

ШКОЛЬНИК ВЕСТИНИК

6+

6/2019

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6/2019

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.И. Горбатов

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

В.В. Кулешов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

З.А. Шишкова

СОДЕРЖАНИЕ

Екатерина Шевичева. Тепло сердец в
ладошки детям **1**

Илья Бруштейн. Слепота — это вызов,
который мы принимаем **8**

Тамара Андреева. Прерванное детство **23**

ПРОБА ПЕРА

Дмитрий Черепанов. Дневник Котофеис **46**

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Наталья Улитина. Стихи **50**

Георгий Маслов. Стихи **53**

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Наталья Карпова. Стихи **65**

Сергей Георгиев. Ёжик-непоседа. Лесные
истории **68**

Татьяна Корниенко. Последний шанс **84**

ТЕПЛО СЕРДЕЦ В ЛАДОШКИ ДЕТЯМ

Как незрячему ребёнку узнать, что у ёлки есть иголки? Как понять, что это за зверь — кудрявая овечка, и вообще, что такое кудряшки? А просто взять и потрогать всё это руками или зажать в ладошках! И для того, чтобы незрячий малыш получил представление об окружающем его мире, нужны особые тактильные пособия и книги.

«Тепло сердец — тепло ладошек» — уникальный социальный проект, целью которого является создание тактильных книг и пособий для детей с нарушением зрения. В одной только Москве в настоящее время проживает около 600 ребят, нуждающихся в таких книгах! Но прежде чем перейти непосредственно к описанию самого проекта и этих удивительных книг, стоит рассказать, как всё начиналось.

В 1990 году в рамках Международного союза детских общественных объединений (СПО-ФДО) была разработана программа помощи социально незащищённой категории граждан. В 1996 году эта программа переросла в самостоятельную Региональную общественную организацию инвалидов «Детский орден милосердия». Философией и миссией ордена стало милосердие и взаимная человечность. Может быть, это звучит немного пафосно, но так или иначе организация с помощью грантов и волонтеров неуклонно движется к поставленной цели, решая порой сложнейшие задачи на пути реализации своих социальных программ. Неравнодушные и оптимистично смотрящие в будущее члены ордена милосер-

дия ежедневно стремятся помочь сотням детей с инвалидностью и сложной судьбой по всей нашей необъятной стране.

РООИ «Детский орден милосердия» — некоммерческая организация, объединяющая взрослых, детей и молодёжь. Руководителем РООИ «ДОМ» является почётный работник сферы молодёжной политики РФ, социальный работник высшей категории Никанорова Галина Владимировна.

И вот однажды Галина Владимировна предложила проект «Тепло сердец — тепло ладошек». Воплощением этой идеи в жизнь стали уникальные тактильные книги и индивидуальные пособия, выполненные вручную. Это был долгий, сложный, но невероятно интересный творческий проект, объединивший множество добрых и отзывчивых людей.

20 июня 2019 года в читальном зале Российской государственной библиотеки для слепых состоялось итоговое мероприятие — семинар «Добрые книги — добрыми руками», на котором собрались все, кто активно участвовал в реализации проекта.

Мероприятие началось с видеопрезентации о тактильных рукодельных книгах, появившихся благодаря стараниям волонтеров. Книги выполнены различными способами и из разных материалов, например, из картона или из лоскутков ткани. Тематика также разнообразна: книжки-сказки, книги-квесты (ферма, лес), книги об окружающей среде и другие.

Проект стартовал в 2018 году. Победив при поддержке Комитета общественных связей города Москвы на конкурсе грантов мэра Москвы, организаторы смогли получить необходимое финансирование. И закипела

работа! В декабре того же года на базе РГБС прошли два практических семинара. Первый семинар «Тактильная рукодельная книга как средство развития детей с нарушением зрения» предназначался для всех, кто захотел принять самое деятельное участие в создании тактильных книжек для незрячих детей. На этом семинаре тифлопедагог Центра ранней интервенции Альбина Вильсуровна Саматова и заведующая читальным залом Елена Юрьевна Глазова рассказали, как нужно изготавливать такие книги и пособия. Кроме того, на семинаре прошла презентация методического пособия по технике создания тактильных книг. В тот же день был проведён второй семинар — для студентов-волонтеров, которых «Детский орден милосердия» привлёк для изготовления рукодельных книг.

В последующие месяцы, с января по март 2019 года, на базе библиотеки прошло несколько практических семинаров для небольших групп волонтеров. Именно в этот период были созданы первые образцы тактильных рукодельных книг, были выявлены недочёты и ошибки, проведены консультации для участников проекта.

Как рассказали организаторы проекта, изначально была поставлена задача — изготовить 75 индивидуальных рукодельных книжек-игрушек и дидактических пособий для развития тактильной чувствительности и формирования базовых представлений об окружающем мире у незрячих и слабовидящих дошкольников и детей младшего школьного возраста. Но за время реализации проекта (13 декабря 2018 — 12 марта 2019) в творческих мастерских Москвы было изготовлено 125 книг!

«Когда я вошла в проект, — вспоминает Алла Александровна Лунякова, руководитель творческой мастерс-

кой проекта, — я собрала информацию в Интернете и обнаружила, что команда из 15 человек в целом создаёт 2 книги за полгода. Но когда за 4 месяца существования проекта наши волонтеры смогли изготовить 125 книг наилучшего качества, это всех поразило и восхитило. Причём среди наших рукодельниц есть такие, кто создал по 15 книг! Среди них пособия с профессиональными методическими рекомендациями. Такое сотрудничество существенно продвигает дело».

Как отметила Алла Александровна, в рамках проекта существует 20 мастерских, в которых трудятся от 1 до 10 человек. Каждая мастерская работает по-разному. Например, студенты лучше всего работают в рамках мастер-классов. За кратчайший период они смогли изготовить 18 книг!

Есть и рукодельницы-индивидуалисты. Так, например, одна из мастериц проекта настолько искусно создаёт кукол-бабушек, что за несколько месяцев смогла изготовить восемь первоклассных бабушек, в том числе и куклу для книжки-раскладушки «Жили у бабуси».

В создании рукотворных книг принимают участие и обычные школьники. Так, например, шестиклассники школы № 24 города Мытищи изготовили несколько книг, среди них: «Весёлый счёт», «Насекомые», «Времена года». Причём ребята не были включены в проект, а создавали книги по собственной инициативе, от души.

Сегодня в РГБС существует главный консультационный пункт по созданию рукотворных тактильных книг и пособий, и каждый четверг волонтеры могут получить квалифицированную и обстоятельную консультацию по всем возникающим у них вопросам. За время осуществления проекта «Тепло сердец — тепло ладошек» был

накоплен неоценимый опыт и создано постраничное описание каждого пособия и каждой книги.

Кто же эти творцы, создатели неповторимых шедевров? В изготовлении рукодельных тактильных книг принимают активное участие пенсионеры, студенты колледжа Первого московского образовательного комплекса (факультет дизайна), учащиеся Колледжа декоративно-прикладного искусства имени Карла Фаберже, студенты Московского городского педагогического университета. Также в проекте участвуют ДК «Гайдаровец» и два центра социальной помощи семье и детям города Москвы.

Создание тактильных книг — задача не из лёгких. Взрослым и юным дизайнерам рукотворных пособий приходится учитывать особенности восприятия незрячих детей, их психологию, возраст и интересы. Поэтому, чтобы максимально точно передать форму, структуру и другие важные элементы, необходимые незрячему ребёнку для адекватного восприятия окружающего мира, волонтёры активно вовлекают в творческий процесс свои собственные семьи.

«Конечно же, мы иногда были слишком категоричны, — отметила тифлопедагог Центра ранней интервенции Альбина Саматова, — когда не поддерживали и критиковали какие-то идеи наших волонтёров. Естественно, не всё сразу получалось. Были ошибки и недочёты. Но с какой же радостью и с каким энтузиазмом наши рукодельницы работали над созданием тактильных книг, чтобы подарить незрячим детям кусочек мира, кусочек счастья, частицу своего тепла, своего сердца! Этот труд сложно переоценить. Спасибо им и низкий поклон!»

Жизнь каждого ребёнка наполнена событиями и впечатлениями, ведь со многими предметами и явлениями он знакомится впервые, каждый день он усваивает новые сведения. Незрячие дети 85% информации получают через тактильный контакт с окружающим миром. Поэтому роль таких рукодельных книжек очень важна. Кроме того, через рукодельные книги и пособия в РГБС незрячие и слабовидящие дети вовлекаются в активный процесс чтения. Причём тактильные книги пользуются спросом не только у незрячих детей, но и у взрослых, не видящих с детства, а также эти пособия используют для вовлечения в жизнь аутичных детей.

Эти поистине эксклюзивные пособия рассчитаны для индивидуального использования ребёнком вместе со зрячим взрослым-наставником. Среди представленных книг очень много книжек-квестов, которые помогают не только познавать мир, но и участвовать в играх. Познакомиться с ними теперь можно в Российской государственной библиотеке для слепых. Но прежде чем дать ребёнку в руки тактильную книгу, родителей незрячих детей просят ознакомиться с методическим пособием по их использованию.

Конечно же, при изготовлении рукодельных книг и пособий учитывается ряд требований к материалам: они должны быть безопасны для здоровья, ведь листать эти удивительные страницы будут совсем маленькие дети. Большое внимание при создании книг уделяется вопросам гигиены, важно, чтобы такие пособия служили долго и их можно было бы стирать, чистить. Так, например, один из участников проекта клуб «Красный сарафан» изготовил книги в лоскутной технике, которые легко стираются в стиральной машине без ущерба для самих

пособий. Кроме того, как отметила технолог проекта Людмила Александровна Андропова, не важно, что дети не видят. Книжка должна быть опрятная и эстетично выглядеть.

Проект «Тепло сердец — тепло ладошек» вызвал широкий резонанс по всей стране. Организаторы проекта планируют в 2020 году запустить его по всей России. Согласно предварительным договорённостям с региональными библиотеками, уже в апреле будущего года участники предоставят по одной тактильной рукодельной книге, а это уже около 60 экземпляров! Лучшие книги будут тиражироваться.

Пожелаем проекту «Тепло сердец — тепло ладошек» доброго пути, искусных мастеров и благодарных читателей!

СЛЕПОТА — ЭТО ВЫЗОВ, КОТОРЫЙ МЫ ПРИНИМАЕМ*

РУКОТВОРНЫЙ ВЗГЛЯД

Семми Шмидт — милая и обаятельная белокурая десятилетняя девочка с голубыми глазами и задумчиво-романтичным, устремлённым вдаль взглядом. Если задать ей какой-нибудь вопрос, то девочка вежливо повернёт голову, приветливо улыбнётся, но взгляд останется прежним. Только тогда можно понять, что она слепа.

Семми Шмидт — одна из лучших учениц в школе слепых и слабовидящих Хайлигенбронна. Гости школы, в том числе и журналисты, часто хотят с ней познакомиться. «Природа подарила этому ребёнку такие красивые и выразительные глаза. Как жаль, что они не могут видеть!» — такие мысли приходят в голову, когда общаешься с Семми.

Об одной особенности девочки знают только самые близкие люди. Глаза Семми, к сожалению, не даны ей от рождения. Это мастерски сделанные стеклянные протезы. Из-за генетического дефекта органы зрения не сформировались в утробе матери. Поэтому, чтобы сегодня она могла радовать зрячих сограждан доброжелательным, приветливым взглядом, сразу же после рож-

*Окончание. Начало читайте в №4 за 2019 г.

дения за дело принялись немецкие пластические хирурги и глазные протезисты.

Девочка растёт, и каждый год приходится менять протезы на соответствующие по размеру. Для Семми такая ситуация естественна и нормальна. Будучи незрячей от рождения, она рассматривает свои «голубые глазки» как такое же девичье украшение, как серьги или бусы.

УЧИТЬСЯ СЛУШАТЬ СТЕНЫ!

— Семми, учишься слушать стены! Скажи мне, когда почувствуешь приближение стены! — Доротея Хаберстро, преподаватель школы, даёт указания своей ученице. Мне представилась возможность присутствовать на индивидуальном занятии по пространственной ориентировке. Такие уроки один раз в неделю стоят в учебном плане всех незрячих учеников школы.

Семми быстрым, уверенным шагом направляется в сторону здания, держа в руке белую трость. Примерно в пятидесяти метрах от цели она останавливается и объявляет: «Стена совсем рядом! Я слышу отражение звука».

Педагог довольна успехами девочки:

— У неё не просто отличный слух. Ребёнок умеет анализировать и дифференцировать звуки. Каждый шаг, каждое прикосновение белой трости к асфальту даёт ей новую информацию.

Как правило, незрячие люди передвигаются, используя ориентиры, например, бордюры. На занятиях с Семми всё происходит по-другому. Девочка идёт прямо. При этом не используются никакие ориентиры, тактильные линии и т.д. Её походка и манера движения ничем не

отличаются от передвижения зрячего человека. Если не считать использования белой трости.

— Сегодня мы занимаемся на школьном дворе. Конечно, здесь легче ходить прямо, без ориентиров, так как пространство ей хорошо знакомо. Но подобные упражнения мы регулярно совершаем с учениками и в совершенно незнакомых, новых для них местах, — поясняет Доротея Хаберстро.

Для преподавателя по пространственной ориентировке принципиально важно, чтобы движения её незрячих учеников максимально соответствовали поведению зрячих людей:

— На занятиях по пространственной ориентировке мы учим детей правильно держать осанку, двигаться уверенно. Очень важно научить незрячего ребёнка чувствовать своё тело, тогда он будет двигаться по прямой, а не шарахаться из стороны в сторону, как пьяный. Именно движение по прямой, с нормальной скоростью, конечно, не в ущерб безопасности, является высшим пилотажем в пространственной ориентировке. Такие навыки, полученные в детстве, позволят нашим ученикам в будущем достичь высокой мобильности.

На нашем занятии Семми предстоит выполнить необычное задание. Мы отдаляемся от школы и приближаемся к зданию, где девочка ещё никогда не была. Педагог объявляет, что перед нами здание с автоматически раздвижными дверями. Семми предстоит самостоятельно войти внутрь. С такой технической конструкцией девочка ещё никогда не сталкивалась.

Самостоятельно войти в такие двери оказывается совсем не просто! Семми уверенно направляется к двери, но по дороге она сбивается налево и утыкается в

стену. Никакой двери нет! Наконец дверь нащупана. Но проблема в том, что она уже закрылась. Учительница объясняет, что автоматические раздвижные двери оборудованы сенсорными датчиками движения. Чтобы подобная «чудо-дверь» открылась, необходимо понять, где именно располагается датчик движения, как он работает. А самое главное — необходимо чётко и быстро двигаться (в правильном направлении!), чтобы успеть войти в здание, пока дверь остаётся открытой.

Наставница предложила девочке попробовать ещё раз. Не получилось. Семми вновь отклонилась от маршрута, и дверь успела закрыться, пока она пыталась её нащупать. Третья попытка оказалась удачной: дверь покорена. Все трое мы вошли в здание. Семми торжествует!

— Эту дверь специально придумали «гляделки», чтобы позлить слепых, — полушутливо-полусерьёзно заявляет Семми. — Зачем, вообще, нужна дверь с датчиком движения, если гораздо удобнее просто подойти к двери и потянуть за ручку!

Впрочем, по выражению лица девочки можно судить о том, что необычное задание доставило ей удовольствие. Наше занятие продолжается. На обратном пути педагог обращает внимание девочки на новые, непривычные звуки:

— Ты не могла бы сказать, что является источником шума? И где находится этот источник?

Семми на мгновение задумалась и решительно направилась к близлежащему зданию.

— Здесь вентиляционная шахта, она и шумит, — торжествующим голосом первооткрывательницы говорит Семми.

Когда занятие закончилось и Семми отправилась на перемену, появилась возможность побеседовать с опытным педагогом.

— *Всегда ли во время занятий по пространственной ориентировке детей ожидают такие сложные задания?*

— Этот предмет помогает незрячим ученикам открывать мир, учиться самостоятельности. Поэтому я всегда смотрю на общий уровень подготовки. Семми, несмотря на юный возраст, можно сказать, уже играет в высшей лиге. Поэтому ей я стараюсь предложить что-нибудь посложнее и поинтереснее.

— *Нравится ли детям заниматься ориентировкой в пространстве?*

— Обычно дети радуются, когда узнают что-то новое, расширяют границы своих возможностей. Но в некоторых семьях родители, к сожалению, вообще запрещают слепым детям передвигаться самостоятельно вне дома. Если ребёнок вырос в атмосфере гиперопеки, то ему будет трудно понять важность и необходимость моего предмета. Таким детям бывает трудно открыть для себя радость и привлекательность свободного движения!

Доротея Хаберстро обращает внимание не только на развитие мобильности, но и коммуникативных навыков своих питомцев. Во время прогулок она всегда просит их подробно описывать окружающую обстановку, погодные условия и т.д. Пространственную ориентировку она понимает как постижение мира во всех его проявлениях:

— Главная цель этого урока состоит в том, чтобы незрячие дети поняли, что окружающий мир — таинственен, загадочен и прекрасен. Его интересно открывать для себя снова и снова!

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Михаэле Зосич четырнадцать лет. Также как и Семми Шмидт, девушка — незрячая с рождения. Она родилась и выросла в столице Хорватии Загребе. Единственный ребёнок в семье. Три года назад родители решили переехать в Германию. Обосновались на самом юге страны, в курортном городе Констанце на Боденском озере. Отец стал работать электриком, мать — кассиром в супермаркете.

— Наш переезд в другую страну был связан именно со мной, — рассказывает Михаэла. — Мои родители посчитали, что у человека с инвалидностью в Германии гораздо больше шансов получить хорошее образование, чем в Хорватии. Достойное образование — это шанс на интеграцию в будущей взрослой жизни. Наши надежды полностью оправдались, школа в Хайлигенбронне открывает новые возможности, новые перспективы.

В Загребе Михаэла училась в обычной массовой школе. Там она была единственной незрячей учащейся. В Германии сразу попала в специализированную школу для незрячих и слабовидящих в Хайлигенбронне. На мою просьбу сравнить инклюзивное и специальное образование Михаэла ответила:

— В обеих школах учёба доставляла мне удовольствие. В Хорватии инклюзия — это вполне нормальное явление. И ученики, и одноклассники относились ко мне хорошо. В Германии я тоже быстро нашла новых друзей. В Хайлигенбронне у меня есть возможность пользоваться вспомогательными техническими средствами, которых я была лишена в Загребе. Например, только здесь я стала работать с брайлевским дисплеем.

С выбором будущей профессии девушка ещё до конца не определилась:

— Я вполне могу представить себе, что стану работать в сфере внешней торговли. Уже сейчас я владею несколькими языками: хорватским, немецким, английским. Сейчас начала учить французский. Конечно, для этого нужно получить высшее экономическое образование. Если в этой сфере найти работу не получится, то я могла бы работать переводчиком, а также заниматься реабилитацией инвалидов.

Четырнадцатилетняя ученица уже задумывается о будущем, строит реалистичные планы. Несколько лет назад у Михаэлы появилось необычное для человека, лишённого зрения, увлечение — сёрфинг. Прекрасные возможности для этого представляет Боденское озеро, где живёт её семья.

В школе в Хайлигенбронне есть интернат. Его услугами пользуются 20 учащихся из 90. Интернат маленький, но уютный. У каждого ребёнка или подростка — отдельная комната (даже у первоклассников!). В каждом блоке из двух комнат имеются душ и туалет. Михаэла тоже живёт в интернате. Обычно дети находятся в учебном заведении с понедельника по пятницу, а выходные проводят дома.

— Жизнь в интернате очень помогла мне в освоении немецкого языка, который я почти не знала до переезда в Германию, — рассказывает Михаэла. — Кроме того, именно благодаря интернату учащиеся могут лучше узнать друг друга.

Для детей и подростков, живущих в интернате, организованы занятия в различных кружках. Михаэла, например, с удовольствием занимается танцами. Но группо-

вых занятий ей недостаточно. Поэтому упорная, целеустремлённая девушка регулярно приходит в танцевальный зал для самостоятельных занятий. Также она любит позаниматься в спортивном зале на тренажёрах, поработать на компьютере.

Большое внимание в интернате, как и в школе в целом, уделяется самостоятельности и развитию социально-бытовых навыков. Обед для учащихся готовят профессиональные повара. Завтраки и ужины они должны готовить сами, на кухне интерната, под наблюдением воспитателей. Незрячие и слабовидящие дети учатся пылесосить, мыть полы, стирать, гладить и т.д.

— В интернате все учащиеся разделены на группы. В нашей группе семь человек от семи до восемнадцати лет. Это — настоящая команда! У нас вообще в школе дружная атмосфера. Но по понятным причинам с ребятами и девчонками из интернатской группы отношения особенно тесные, — делится впечатлениями Михаэла.

ОСТАВАТЬСЯ СОБОЙ

Луису Цифле пятнадцать лет. С семи лет он учится в Хайлигенбронне. Луис — слабовидящий, ему необходимо беречь остаток зрения, поэтому ему требуется больше времени для выполнения домашних заданий. Для комфортной работы ему необходимы особое освещение и специальная аппаратура, позволяющая читать тексты крупным шрифтом.

— Теоретически я мог бы учиться и в обычной школе по месту жительства, но здесь мне нравится больше, — говорит юноша. — У нас небольшая школа, все знают друг друга. Здесь я могу оставаться собой, меня принимают таким, какой я есть. Имеется всё необходимое

оборудование для успешной учёбы. Моя мечта — стать программистом.

СОЕДИНЯЯ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Во время беседы с заместителем директора школы Бернгардом Улем мне хотелось понять специфику работы в специальной школе, узнать, отличаются ли дети с инвалидностью от своих ровесников без ограничений по здоровью. Педагог поделился своим мнением:

— Думаю, что принципиальных отличий не существует. Любая школа, и массовая, и специальная, должна соединять образовательный и воспитательный процесс. К сожалению, детям с инвалидностью часто бывает сложно найти контакт с ровесниками, они привыкли к гиперопеке со стороны родителей.

Бернгард Уль привёл пример десятилетнего слепого мальчика, который после поступления в школу фактически срывал занятия:

— Этот ребёнок на первых порах вообще не мог заниматься в группе. На уроках он буквально никому не давал слова сказать! «Особый» ученик требовал постоянного внимания взрослых. Во-первых, он не умел работать самостоятельно. Во-вторых, его поведение было чрезвычайно эгоистичным. Он не умел и не хотел учитывать интересы других людей, других учеников. Вся школьная жизнь должна была крутиться вокруг него.

Перед сотрудниками школы стояла трудная задача. Наиболее простым выходом из ситуации стал бы перевод ребёнка на индивидуальное обучение. Но, с другой стороны, такое решение могло бы ещё больше «зацементировать» психологические проблемы ребёнка.

Для нас было очевидно, что этого мальчика обязательно нужно научить себя вести. В каких-то случаях его необходимо было выслушать, в других ситуациях, грубо говоря, заткнуть ему рот. В любом случае, мы старались донести до него, что существует не только слово «я», но и слово «мы». И постепенно, в течение нескольких лет, этот ученик стал меняться, он уже не тянул одею на себя, стал прислушиваться и к учителям, и к соученикам.

ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ ЧАСЫ!

В Хайлигенбронне существуют классы, которые работают по обычной программе средней школы, адаптированной для инвалидов по зрению. Есть специальные классы для детей со слепоглухотой, а также классы для учащихся с интеллектуальными нарушениями.

На занятиях в одном из таких классов мне довелось побывать. Урок вела Сара Швайцер. Класс совсем небольшой: всего четыре человека в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Учащиеся под руководством преподавателя должны были изготовить картонные часы. Им предлагалось прикрепить на круглой заготовке обозначения времени, написанные брайлевским шрифтом. Потом к самодельному циферблату прикреплялись картонные стрелки.

Итогом работы стали оригинальные часы для слепых. Только игрушечные, без электронного механизма. Брайлевские обозначения времени молодые люди тоже изготовили самостоятельно с помощью брайлевской пишущей машинки.

— В Германии в каждом регионе существуют специализированные школы для учащихся с ментальными

проблемами. Но в них, как правило, учатся дети с хорошим зрением. Поэтому в школах для слепых и слабовидящих организуют специальные классы для учащихся, имеющих одновременно интеллектуальные и зрительные нарушения, — пояснила Сара Швайцер после завершения занятия.

Эта система полностью совпадает с российской. У нас в школах для инвалидов по зрению также имеются специальные классы для детей с особенностями интеллектуального развития.

— Во время этого урока мы не только совместно с ребятами изготовили игрушечные часы, но и поговорили о том, какую роль выполняют часы в нашей жизни. Речь шла о распорядке дня, о распределении времени, о том, сколько времени мы тратим на труд и на отдых, — расшифровывает цели и задачи прошедшего занятия Сара Швайцер и продолжает: — Несмотря на все разговоры об инклюзивном образовании, детей с нарушениями интеллекта целесообразно обучать в особых классах. Обычная школьная программа, в том числе и в школах для слепых, наполнена огромным количеством теоретического материала. Но дети с органическими поражениями головного мозга не могут освоить химические или физические формулы, не могут понять сложные и противоречивые экономические, политические и общественные процессы. Поэтому необходимо в максимальной мере адаптировать школьный материал под интеллектуальные возможности каждого ребёнка. Одновременно мы стремимся расширить эти возможности, расширить интеллектуальные границы маленького человека.

Программа обучения для детей с интеллектуальными нарушениями обращает особое внимание на развитие

навыков самообслуживания, коммуникативных возможностей. Например, детям терпеливо объясняют, что ко взрослым людям следует обращаться на «вы», а ровесникам вполне уместно говорить «ты».

— Мы стремимся к тому, чтобы учащиеся по возможности овладели навыками чтения и письма по Брайлю, — делится опытом Сара Швайцер. — Но в реальной жизни они, к сожалению, никогда не смогут и не захотят читать сложные книги или писать развёрнутые тексты. Но если особый ученик сможет написать по Брайлю своё имя, изготовить наклейки с брайлевскими обозначениями для каких-либо коробочек — это уже большое достижение.

Педагоги постоянно задают себе вопрос: какие знания и навыки необходимы учащимся, имеющим ограничения сразу в двух важнейших жизненных сферах? Исходя из этого и составляется учебная программа. Например, перед посещением супермаркета учащиеся вместе с педагогом составляют список покупок. Вопросы обсуждаются очень простые: какие продукты и в каком количестве нужно купить, чтобы приготовить вкусный и полезный обед для четырёх-пяти человек? Сколько денег потребуется для этих покупок?

После совместного посещения магазина все идут на кухню, чтобы под руководством педагога приготовить что-нибудь вкусное из купленных продуктов. Обед готов. Он понравился всем «поварам». Дети сыты и довольны. Можно поделиться впечатлениями. Заодно и речь развивается.

— Конечно, в обучении и воспитании детей с нормальным уровнем интеллектуального развития тоже большое внимание уделяется практическим навыкам. Но

при умственной отсталости достижение максимальной самостоятельности и независимости является приоритетом, — говорит Сара Швайцер.

В школе имеются не только учебные классы, но и различные мастерские (швейная, монтажная, столярная). Также есть огород и конюшня. Дети учатся не только ездить верхом, но и ухаживать за животными.

— Одна из сложнейших задач при проблемах интеллектуального развития, сопряжённых со слепотой, — научить детей и подростков обращаться с деньгами, понимать значение денег. Что можно купить в Германии за десять евро? Чем можно порадовать себя за сто евро? Какие покупки реально осуществить за тысячу евро? Нашим учащимся далеко не просто разобраться в этих вопросах. Для них деньги — это просто забавные бумажки, которые люди почему-то передают друг другу, — рассказывает Сара Швайцер.

ШКОЛА В МОНАСТЫРЕ

Школа слепых и слабовидящих располагается на территории женского монастыря Святого Франциска. В настоящее время при монастыре имеются и другие социальные учреждения: школа для глухих и слабослышащих, дом инвалидов. Изначально школа-интернат для незрячих детей являлась монастырским учреждением, хотя в неё принимались не только католики, не только христиане. Помощь оказывалась всем незрячим и слабовидящим детям вне зависимости от национальности и вероисповедания.

Сёстры монастырской общины с момента создания школы работали в ней в качестве педагогов и воспи-

тателей. Такая ситуация продолжалась до начала девяностых годов двадцатого века. К этому времени значительная часть сестёр достигла пожилого возраста. У них больше не было сил и возможностей управлять школой слепых и другими социальными учреждениями. Приток новых сестёр в монастырь существенно сократился. Возникла необходимость перемен.

На базе монастыря был создан одноимённый Фонд Святого Франциска. Именно эта структура в настоящее время является учредителем школы слепых и слабовидящих, а также целого ряда других социальных учреждений на монастырской территории. Престарелые монахини на общественных началах продолжают участвовать в жизни школы, но теперь они избавлены от всех организационных забот и хлопот.

— Наша школа, учредителем которой является Фонд Святого Франциска, располагается на территории францисканского монастыря. Но это светское учебное и реабилитационное заведение, — рассказала педагог Сара Швайцер. — Конечно, взаимодействие с монастырём у нас продолжается, мы не отказываемся от своей истории, от своих корней. Но основное финансирование осуществляет государство в лице органов власти федеральной земли Баден-Вюртемберг. И программа обучения — светская, а не церковная.

Впрочем, также как и во всех без исключения учебных заведениях Германии, в школе Хайлигенбронна с начала обучения и до его окончания существует обязательный урок религии (для детей с нормальным уровнем интеллектуального развития). Но в качестве альтернативы можно выбрать занятия по светской этике.

Пришла пора уезжать из Хайлигенбронна. Меня вышел проводить директор Специального педагогического учебного и консультативного центра Дитмар Штефан. Я спросил у радушного хозяина, что самое приятное в его работе? Каким образом можно оценить успех инклюзивного и специального образования?

— Думаю, что об успехе можно говорить тогда, когда детские мечты воплощаются в жизнь, когда дети и подростки становятся всё более самостоятельными, уверенными в себе. Больше всего меня радует, когда незрячие и слабовидящие учащиеся с гордостью произносят: «Я могу сам! Мне не нужна помощь».

ПРЕРВАННОЕ ДЕТСТВО

ВОСПОМИНАНИЯ

НАЧАЛО ОККУПАЦИИ

В конце мая 1941 года закончились занятия в школе, я перешла в третий класс, и на торжественном вечере за отличную учёбу мне вручили грамоту и подарки, среди которых самым главным для меня оказался брайлевский прибор для письма. На его обратной стороне было выгравировано: «Отличнику учёбы Андреевой Тамаре. Институт слепых детей. Ленинград. 1941 год». Наша школа называлась институтом, как в XIX веке, со времён её основания. Прибор для письма был мне так дорог, что ночью я клала его под подушку. Брайлевские приборы того времени были довольно тяжёлыми, имели 18 строк, в каждой по 24 клеточки. Таких облегчённых приборов, как теперь, ещё не производили.

На летние каникулы мы с мамой уехали в Псковскую область в деревню к бабушке. Её дом находился несколько в стороне от деревни, около большого пруда, в огромном фруктовом саду. Нас ждала райская жизнь: свежий воздух, ароматы полевых цветов и разноголосье птиц. К нам присоединились моя тётя с одиннадцатилетней дочерью Ниной. Какое наслаждение отдыхать от городской суеты, купаться в прозрачной тёплой воде пруда! Мы с Ниной рано утром выбегали из дома и иногда даже забывали про обед, наевшись в лесу душистой земляники.

Чёрный день 22 июля всё разрушил. Мужчины ушли на фронт. В деревне остались старики, женщины, дети, инвалиды. Захватчики очень быстро оккупировали наши места. Однажды днём на машинах, мотоциклах, велосипедах они пронеслись мимо наших окон без единого выстрела. Так мы оказались в тылу врага. Как нам теперь жить? Что будет с нами? Ни на один вопрос ответа не было.

По деревням бродили отставшие от своих частей красноармейцы. Жители кормили, переодевали, прятали их. Красноармейцы группировались, организуя отряды сопротивления. Так создавались партизанские отряды, которые потом отчаянно боролись с захватчиками. Но враг был вооружён и беспощаден и жестоко расправлялся с мирным населением. Поэтому жители активно помогали партизанам. А если немцы подозревали, что жители деревни связаны с партизанами, они сжигали всю деревню вместе с людьми.

В двух километрах от нас находилась деревня Стега. Мы оказались свидетелями средневековой дикости: жителей согнали в колхозный скотный двор и подожгли. Мы слышали нечеловеческие крики людей, горящих заживо. Когда мы пришли на пепелище, деревня была пуста. Только в одном доме стоял на столе гроб с умершим стариком — единственным неммым свидетелем гибели односельчан. Собрались жители окрестных деревень, выкопали общую могилу, похоронили старика вместе с пеплом его родственников и соседей.

В четырёх километрах от нашей деревни проходила железная дорога Ленинград — Киев, а за ней простирались леса и болота. Именно там сосредоточились сопротивления и создавались партизанские отряды. По одну сторону железной дороги находились местные

жители и господствовали немцы, а по другую были владения партизан. Они часто совершали диверсии в тылу врага, уничтожая технику, поджигая казармы с солдатами. В основном партизаны действовали ночью, а наутро возвращались в лес, для чего им нужно было перейти через железную дорогу, которая усиленно охранялась, поэтому днём партизаны прятались у местных жителей. Таким дневным убежищем был и бабушкин дом с пятью женщинами.

Наступила осень. Мы готовили запасы продуктов на зиму: копали картошку, убирали овощи на огороде, квасили капусту, солили огурцы, варили варенье, используя оставшийся сахар, сушили яблоки. Мы работали с утра до вечера. Я и не заметила, как на кистях моих рук появились нарывы, их количество быстро увеличивалось. Они вызревали и лопались, заливая руки чёрным гноем, вызывали зуд и боль. Высокая температура усугубляла моё состояние. Не было ни врачей, ни лекарств. Бабушкины отвары и настойки из трав не помогали и не облегчали мои страдания.

Однажды в дверь негромко постучали и вошли три немца в военной форме и один в штатском, который с нами поздоровался по-русски и попросил от имени немцев воспользоваться нашим столом, так как в машине обедать неудобно. Они разделись, вымыли руки, на столе расстелили красивые бумажные салфетки и разложили продукты и стали есть. В комнате запахло едой, особенно мясными консервами. Даже кот вылез и уселся посреди комнаты. Один из немцев бросил ему кусок колбасы, и кот мигом с ним исчез.

Бабушка, мама, тётя и Нина сидели на краю моей кровати, закрыв меня своими телами. Немцы тихо разго-

варивали. Переводчик подошёл к нам и дал Нине шоколадку. И тут он увидел меня.

— Девочка больна? Чем?

— Ручки у неё гниют, а лечить нечем, — ответила ему бабушка.

Переводчик вернулся к немцам. Они уже собирались уходить. Но, выслушав переводчика, пожилой немец разделся и подошёл ко мне.

— Не бойся, это врач, — сказал переводчик.

Увидав мои кисти, доктор покачал головой и пошёл мыть руки. Второй разбирал лекарства в специальной сумке. Они сделали мне несколько уколов, вычистили гной, промыли кисти, дали несколько таблеток. Через переводчика маме объяснили, что делать дальше. Когда я проснулась, немцев уже не было. Мне стало легче.

Через два дня снова приехали доктор и переводчик. Осмотрев подживающие кисти, доктор улыбнулся и сказал:

— Got!

Он опять проделал много процедур, оставил лекарства, из которых я запомнила дегтярную мазь: она имела противный запах. Прощаясь, доктор дал мне большую шоколадку. А бабушка предложила ему корзиночку с яйцами. Но он сказал:

— Nein! — и ушёл.

— Мама, я и он — враги. Почему он меня лечил?

— Он — врач и выполнил клятву Гиппократата.

ОДИН ДЕНЬ

Первая военная зима выдалась очень суровой. Мама и бабушка продолжали помогать партизанам: пекли хлеб,

собирали продукты, шили маскировочные халаты. Соседи добровольно приносили простыни, наволочки, полотенца, чтобы тоже чем-нибудь помочь.

Однажды в январе ранним морозным утром в дверь тихо постучали. Вошли первые гости. Это были уже знакомые нам три партизана. Руководитель группы, Миша Анипкин, крепкий, здоровый парень из города Великие Луки, очень рассудительный, с умными глазами, быстро оценивающими обстановку. Второй — татарин Захар Гаянов, взрывной и несдержанный, готовый немедленно пустить кулаки в ход, «всех расстрелять, всех врагов уничтожить». Третий — украинец Шурко Ключко, отличался южным темпераментом, упрямством и лютой ненавистью к врагу. В этот день они были нашими первыми гостями.

Женщины засуетились. Вошедшие с мороза партизаны устали и проголодались, и их радушно приютили и обогрели. Моя мама, городской житель, научилась гнать самогон. Она полагала, что первая чарочка на замёрзшего человека действует лучше лекарства: снимает усталость, согревает. Мама не знала рецептов самогона, но русская смекалка, интуиция её не подвели. На столе появилась бутылка с желтоватой и мутной жидкостью. Вкуса и запаха этого напитка я не знала, но градусов в нём было много. Этот сорт самогона мама называла «столовое вино». Я думала так потому, что, хлебнув его, человек спешил закусить. После первого стаканчика наши гости покраснелись, разговорились, посыпались шутки. Но беда не заставила себя ждать.

Бабушка стояла у окна и наблюдала за дорогой. Внезапно она ойкнула и присела. Все взглянули в окно и увидели сани-розвальни, которыми управлял кучер. А за

его спиной, картинно развалившись, сидела парочка — женщина и немец. Пауза была недолгой, все мгновенно среагировали: быстро открыли люк в подпол, партизаны спрятались, крышку прикрыли ковриком. Успели!

Без стука открылась входная дверь. Вошли немец и русская женщина, оказавшаяся бывшей маминой школьной подругой. Она пришла показать нового кавалера и выглядела очень самодовольной, щебетала, знакомя нас с фрицем, который молчал и внимательно осматривался. Хозяйки тепло приняли новых гостей. Накрыли стол новой скатертью, достали праздничную посуду. Видя такое к себе внимание фриц расслабился, а его подруга Надя сияла. Но мы слышали, что внизу было беспокойно, и опасались, что шум привлечёт внимание парочки.

Свалившаяся в тёмный подпол троица расползлась по земляному полу, заставленному бочками, корзинками, ящиками, мешками. Захар ударился головой о бочку, Миша дополз до кучи картошки, и картофелины покатились в разные стороны, Шурко залез в миску с мукой. Сверху глухо доносились голоса. Услыхав слово «фриц», Захар как с цепи сорвался, бросился к приставной лестнице. Товарищи еле успели оттащить его за ноги. А он сопротивлялся, ругался.

— Вы — предатели! — шипел он. — У вас над головой разгуливают фашисты, а вы, как крысы, спрятались! Я убью его!

Растолкав друзей, он вскочил.

— Не кричи! Услышат! — убеждали его товарищи.

— Я у себя дома!..

Чтобы успокоить Захара, Шурко окунул его головой в бочку с солёными огурцами. Миша обнял мокрого товарища:

— Ты убьёшь немца, его денщика, подругу, закопаешь их, но их же будут искать! Кто-нибудь знал, куда они поехали! А что будет с женщинами, с двумя девочками?!

— Мы их в лес увезём!

— А жителей деревни ты тоже возьмёшь в лес?! По грибы, по ягоды?!

Захар затих, вообразив, как гестаповцы будут пытаться двух девочек, вспомнив про своего трёхлетнего сына.

Чтобы заглушить шум в подвале, мы наверху стали громче разговаривать, двигать табуретки, скамейки. Немец молчал, он не понимал по-русски, а хозяйки расставляли угощения. Когда на столе появились бутылка и стаканы, немец заулыбался. Но это была не та же бутылка, из которой пили партизаны. Это был красивый графин из синего стекла с фигурной пробкой. Мама называла этот сорт самогона «коньяком». Фриц окончательно освоился, захлопал в ладоши и закричал:

— Got! Got, матка! Яйко! Водка!

Парочке подливали «коньяку», предлагали домашние закуски. От такого вкусного угощения и крепкого маминного самогона веселье набирало обороты, что, очевидно, возбуждало сидящих в подвале беспомощных партизан. Бабушка шепнула Нине и мне:

— Пляшите, топайте посильнее!

Шума от нашей пляски не получилось — мы были в валенках. Тогда мы скинули их, но только стопы заболели. Мама сказала:

— Спойте песню!

Жалобными голосами мы затянули песню «Маленькой ёлочке холодно зимой...». Допели песню, а из подвала по-прежнему доносился шум. Тогда бабушка громко запела «Жили у бабуси два весёлых гуся...». Все

подхватили, но забыли второй куплет. И тогда запели на «ля-ля-ля». И тут обрадовался фриц и тоже запел с нами «ля-ля-ля» своим густым басом, хлопая в ладоши и притопывая ногой. Весь дом заходил ходуном.

Когда наверху запел фриц, Захар снова взорвался, ударил в лицо Мишу. Тогда Захара связали. Но он при этом умудрился покусать Шурко. Ему засунули кляп в рот.

Вдруг всё прервалось: в дверях появился денщик. Он что-то сказал немцу, тот заволновался и спешно засоби-рался. Его дама нам пояснила, что он получил срочный приказ. Мы помогли им одеться, а бабушка предложила фрицу выпить на посошок. Что это означало, он не знал. Но когда он увидел синий графин, то, не закусывая, выпил ещё стакан. Уходя, он нам приветливо пробасил:

— Матка! Яйко! Got водка! Ля-ля-ля!

И с этими словами парочка вывалилась на мороз. Сани уехали, а мы застыли, как в немой сцене из пьесы «Ревизор». Нас вернули к действительности первые гости — партизаны постучали в пол. Мы открыли крышку в подпол, и они вылезли оттуда один за другим. Вид у них был весьма странный: они все были в сене, перьях, грязи, да ещё и мокрые. Без смеха смотреть на них было невозможно: половину лица Миши украшал темно-фиолетовый синяк, лоб был расчерчен красными полосками. Шурко держался за левое плечо, а кисть у него была искусана до крови. Захар выглядел, как клоун на арене цирка. Почему-то он был мокрый, от него несло огуречным рассолом, а к лицу прилипли кусочки петрушки и чеснока. Завершал картину большой солёный огурец, уютно устроившийся за воротником. Женщины поспешили обработать раны, используя для

дезинфекции всё то же «столовое вино». Парни были всклокочены, злы друг на друга. Захар пожаловался:

— Они меня хотели утопить в бочке с огурцами! Связали руки мне! А потом засунули в рот какой-то вонючий кляп!

Шурко возразил:

— Смотри, как ты меня покусал! Вся рука в твоих зубьях!

— А ты посмотри, что ты сделал с моим лицом, как ты его расцарапал! — сказал Анипкин. — Ладно, ребята, дома разберёмся. Сейчас пора уходить, пока темно, — в итоге заключил он как самый здравомыслящий из них.

Женщины переодели партизан, укутали в маскировочные халаты, дали продуктов на дорогу и проводили. Оставшись одни, мы долго приходили в себя. Этот один необычный день войны запомнился мне на всю жизнь.

СПАСИТЕЛЬ

Зима в тот год стояла суровая, снежная. В декабре дни короткие, мрачные. Для освещения в домах использовалась лучина, как в старые времена на Руси. Таким мрачным декабрьским утром 1942 года в деревню приехали немцы и полицейские. Они рассыпались по деревне, загнали людей в дома, у каждого поставили полиция. Мы пытались выяснить у охранника, что с нами будет. Но полупьяный предатель лишь злобно ухмылялся и, упиваясь властью, повторял:

— Узнаете! Скоро узнаете!

Мы догадывались, что фашисты ждут специальный карательный отряд, который имел право жечь деревни с людьми. У немцев и здесь был порядок. Мы не ждали

ничего хорошего, но неизвестность терзала нас. Мама налила стакан самогона охраннику, и у того развязался язык. Он хвастливо выложил:

— Вот сейчас спецы приедут и поджарят вас!

Сами не зная зачем, мы оделись потеплее. Просто потому, что нам что-то надо было делать, чтобы не задумываться о будущем. Брайлевский прибор для письма привязали тёплым платком к моей груди. Надели ещё какие-то кофты, шубку. Мы не плакали, а обнимали и целовали друг друга. Страх не было. Внутри всё онемело и задубенело*, пропало осознание реальности. Мы дышали, но были уже как мёртвые.

Ожидание было нестерпимым. Стемнело, а карателей всё не было. Усилился мороз. Внезапно нам приказали покинуть дом, и тут же его подожгли. Мы оказались в аду: всё было охвачено пламенем. Огонь буйствовал, расшвыривая горящие бревна, вырывая их из стен строений. Головни летали над деревней, а падая, взрывались, раскалываясь на части. Ветер срывал соломенные крыши, и они, как факелы, появлялись в разных местах, опускались на землю, зажигая всё новые и новые костры. В скотных дворах беспомощные животные, пытаясь спастись, бились о стены с разрывающими сердце криками отчаяния. Хотелось бежать к ним, но помочь им было уже невозможно. Животные погибали в страшных муках. За что?!

Нас увозили в никуда. За санями бежали преданные, любящие и любимые Тузики, Мурки, Жучки, Васьки, Шарик и ещё десятки четвероногих. Развлекаясь, фа-

**Задубенеть* — заоченеть, застыть.

шисты расстреливали их. Трупы оставались лежать на дороге, покрытые саваном чистого снега. За что?!

Нас увозили в никуда.

Мы въехали в какую-то деревню. Крыльцо дома выходило прямо на дорогу. Неожиданно мама схватила меня за руку и силой резко втощила в дом, где мы увидели женщину, накрывавшую стол к ужину. При виде нас она испугалась и закричала:

— Убирайтесь вон! Я из-за вас не хочу умирать!

Обеими руками она вытолкала нас к задней двери и сбросила с высокого крыльца к скотному двору в глубокий сугроб. Мы лежали в снегу, дрожа от страха, холода и безысходности, слышали редкие выстрелы. Бежать куда-то было бесполезно. Спрятаться — негде. Но надо пытаться искать выход.

Мы наткнулись на маленькое строение. Через открытую дверь пахло сеном. В этом полуразвалившемся сеннике мы и спрятались. Мама положила меня спиной к задней стенке, забросав сеном. Сама закопалась в сено в другом месте. Наконец отряд с пленными удалился. Выстрелы прекратись, наступила относительная тишина. В доме, откуда нас выгнали, ужинали немцы. Вскоре мы услышали скрип снега: к сарайчику приближались двое, остановились у входа.

И вдруг я почувствовала сильный толчок в грудь, а за ним ещё более мощный. За спиной затрещали доски. Мне показалось, что я взлетела вместе с сараем. Я не помню, теряла ли сознание, но затем услышала удаляющиеся шаги немцев. Мы с мамой молчали: каждая боялась заговорить первой, чтобы в ответ не услышать тишину. Мама наконец не выдержала:

— Доченька... Томочка!

— Мама... — прошептала я в ответ.

Итак, я осталась жива: путь штыку преградил металлический брайлевский прибор для письма. Позже в одежде, на уровне груди, мы обнаружили две дыры.

Мы снова закопались в сено, согревая друг друга. Я, видимо, уснула.

— Тише! Тише! — шептала мне мама. — Я с тобой! Мы подумаем и найдём выход.

В полузабытьи я билась в её объятиях, сквозь слёзы повторяя:

— Мне страшно! Он догонит меня! Я сгорю! Мне жарко!

Этот кошмарный сон преследовал меня многие годы. Со временем и это прошло. Война разделила мою жизнь на «до» — счастливую и на «после» — трудную. Поэтому я не люблю читать книги о войне и смотреть военные фильмы. Прибор для письма я сохранила. Он был со мной в партизанском отряде, перелетал через линию фронта, несколько месяцев находился в госпитале. А теперь мой спаситель хранится в музее истории ленинградской школы слепых.

ВСТРЕЧА

Сарай и сено были в нашем с мамой распоряжении, а впереди смерть от холода, голода, жажды, пули врага. Надо искать выход. Когда в деревне стало тише, обоз с людьми уехал, мы пошли искать помощи у людей. Проходя мимо одного дома, мы услышали детский смех и решили постучаться именно туда. Открыла женщина и без вопросов впустила нас. В доме было тепло и вкусно пахло едой. Нас с интересом рассматривали четверо детей. Старшему, его звали Ваня, было не более

двенадцати лет. Хозяйка Клава дала команду помочь нам раздеться и умыться. Ваня стал деловито раздавать указания братьям и сёстрам, и те всё исполняли беспрекословно.

Поев, мы совсем обессилели. Клава уложила нас на тёплую лежанку у печки. Только теперь мы услышали тихий стон.

— Это мой папа, болеет, — пояснила Клава.

Когда мы проснулись, в доме было совсем тихо. На старом диване, тесно прижавшись друг к другу, сидели заплаканные дети. А Клава молча молилась перед иконой, стоя на коленях. Пока мы спали, умер дедушка. Его похоронили прямо в огороде возле дома, где он родился.

В семье Клавы мы прожили несколько недель в мире и согласии. Я уверена, что эти дети выросли честными, человеколюбивыми людьми. Когда однажды ночью за нами пришёл Миша Анипкин, Клава и дети со слезами умоляли его оставить нас с ними. Но Миша нас увёл, объяснив, что лично в ответе за нас.

С великой опасностью мы перешли, вернее, переползли через железную дорогу и оказались в лесу. Партизаны нас поместили в штабную землянку. Там была связь с Большой землёй, стучала морзянка. После долгого блуждания по лесу мы с мамой быстро уснули. Мне снился папа, я слышала его голос.

— Папа! — Проснулась я от собственного крика. И тишина...

А потом...

— Доченька! Томочка! Это ты? — И вот я сижу у папы на коленях, мама рядом. Землянка была заполнена

партизанами, многие плакали, ведь у каждого где-то семья, дети, жёны, родители.

Как же случилось, что папа оказался именно в этом партизанском отряде? Его отправили на фронт из Ленинграда в июле 1941 года. А в августе он попал в плен и оказался в концентрационном лагере в городе Порхов, что был в 200 километрах от нашей деревни Гущино, где встретили войну мы с мамой. И он об этом знал. Мой папа был очень общительным, располагающим к себе человеком. Он познакомился с полицаями, вошёл в доверие, и они помогли ему бежать. Готовясь к побегу, папа отрастил бороду, сделал костыли, научился ими пользоваться. На руках он имел фальшивый документ о его полной физической непригодности. Он добрался до той деревни, где мы тогда жили у Клавы, но папа не мог о нас знать, потому что мы не выходили из дому и нас никто не видел. Здесь папа узнал, что Гущино сожжено, а жителей угнали в Германию. Здесь же он узнал о партизанах, расположившихся в лесу за железной дорогой. Туда он и направился. В лесу действовало несколько партизанских отрядов. Папа оказался в отряде, именовавшем себя «Золотая орда». Целью этого отряда было — не служить врагу, сохранить свою жизнь и здоровье. Такая простенькая цель. Они делали набеги на деревни, отбирая продукты у жителей. Не брезговали и вражеским продовольствием. Поняв это, папа быстро покинул орду и углубился в лес, где нашёл настоящих партизан.

К 1943 году наш партизанский отряд представлял грозную силу для фашистов. И они иногда устраивали в лесу рейды и облавы. От перестрелок кругом свистели

пули. Команду «ложись» было трудно выполнить: под ногами хлюпало болото, которое проглотило не один десяток людей.

Помимо ранений, многие страдали от простудных заболеваний. Мама заболела воспалением лёгких. Без врачей и лекарств ей было не выжить. А в это время партизаны одну из полян приспособили под аэродром. Почти каждую ночь к нам прилетал самолёт У-2, привозя медикаменты и врачей с Большой земли. Обрато он забирал раненых. Маму решили отправить в госпиталь. Морозной январской ночью нас привезли на санях к самолёту. Тяжелейшим было наше расставание с папой.

— Доченька, береги себя и маму. Я обещаю вернуться к вам. Ждите.

НА БОЛЬНОЙ ЗЕМЛЕ

До сих пор я видела самолёты только на картинках или в кино. Они напоминали мне птиц. Но то, что стояло и рычало на поляне, вызвало у меня страх. Две большие, плотно прижатые друг к другу корзины без крышек стояли на колёсах, над ними были распостёрты крылья. Хвост и крутящийся пропеллер завершали внешний вид этого рычащего чудовища. Маме помогли забраться в корзину, куда забросили и меня. Переднюю корзину занял лётчик. Нас начало потряхивать, мотор усилил рёв, корзины подпрыгнули. Мы доверили наши жизни судьбе и этому странному чудовищу.

Я встала на ноги, несмотря на мамины возражения, и выглянула из корзины. Под нами была тёмная, сплошная масса леса. А над нами — огромная луна. Всё небо, как ковёр, было расшито звёздами. Монотонный рёв

мотора успокоил нас, вера в жизнь вернулась. Вскоре ледяной ветер заставил меня спрятаться вглубь корзины и прижаться к маме.

Вдруг нас почему-то стало прижимать ко дну корзины. Я снова выглянула и по положению луны поняла, что самолёт набирает высоту. Затем, взглянув вниз, я увидела огромное количество ярких фейерверков, салютов, разрывавшихся под нами. Какие-то длинные огненные головни медленно поднимались в небо, пытаясь попасть в наш самолёт. Картина эта заворожила меня. За треском мотора и гулом ветра я почти не слышала этих разрывов, но каждый из них вызывал потряхивание самолёта.

Под нами была линия фронта. И она была самой настоящей линией, протянувшейся по земле на большое расстояние. Многочисленные вспышки от снарядов, прилетавших с той и с другой стороны, резко выделяли эту линию на фоне тёмной земли под нами.

У-2 не может набирать высоту более трёх тысяч метров (впрочем, я могу ошибаться). Мы поднялись как можно выше, где сильнейший мороз сыграл с нами злую шутку: внезапно наступила тишина, мотор замолк, и мы начали падать. Сколько длилась тишина, не помню. Но вдруг мотор запел спасающую нас песню. Самолёт резко пошёл вверх, фронт остался позади. Снарядов больше не было видно. Мы оказались на Большой земле.

На аэродроме нас провели в большую комнату, где было много лётчиков. К нам подходили, приветствовали. А наш лётчик, угощая меня хлебом с сахаром, сказал:

— Считай, что ты родилась сегодня заново. И будешь долго-долго жить.

К сожалению, нашему лётчику не довелось долго жить: спустя несколько часов, перевозя через линию фронта раненого партизана, он был сбит и погиб.

Аэродром располагался возле небольшой деревушки. Привезённых с той стороны людей переправляли в глубокий тыл. Нас с мамой поселили к двум старушкам. Третьим подселенцем оказался мужчина средних лет. Это был странный человек: во-первых, он был глухонемым. И никаких контактов с ним установить было невозможно. Во-вторых, он был полностью равнодушен к окружающим. В-третьих, он ничем не помогал по дому. Бабушки кололи дрова, носили воду. Я мыла, подметала пол, стирала бельё, ухаживала за больной мамой. Но главное моё дело — дважды ходить на кухню к лётчикам за обедами. Я приносила котелки с кашей, супом, кусочками хлеба и делила на троих. Вскоре я заметила, что во время нашего обеда бабушки уходили из дома или чем-нибудь занимались в кладовке. Однажды повар меня спросил:

— А может, вам прибавить щей да каши?

Я обрадовалась. С тех пор часть еды уносила в кладовку.

Однажды рано утром нас разбудили санитары с носилками. И маму, и меня увезли на взлётное поле, где стоял санитарный двухместный самолёт. Нас уложили в два ящика, закрепили ремнями, закрыли крышками, и в полной темноте мы поднялись в воздух. Вскоре мы приземлились в городе Торопец, где находился госпиталь.

В ГОСПИТАЛЕ

Средняя школа города Торопец была превращена в госпиталь. Во всех помещениях, даже в коридорах, были

тесно сдвинуты кровати, топчаны, скамьи, стулья, набитые сеном мешки, всюду лежали раненые. Стоны, мольбы о помощи, неразборчивый бред оглашали круглосуточно трёхэтажное здание. Запах крови, гниющего человеческого тела, медикаментов вызывал тошноту. Нас с мамой поместили в четырёхместную палату. Рядом со мной лежала молодая женщина Валя, которой недавно ампутировали правую руку.

— А ты, птичка, зачем залетела сюда? — ласково спросила она. — Ну ладно, хорошо, будешь нам помогать, учить меня левой рукой суп есть.

Дальше лежала молоденькая девушка Аня, ей было 18 лет. На ней не было бинтов, но выделялся большой живот. Она решила избежать позора беременности без мужа, выпив какую-то отраву, но осталась жива. Она постоянно плакала, отказывалась от лечения, не хотела возвращаться домой, где в семье было ещё восемь младших братьев и сестёр. Врачи убеждали Аню, что она поправится, у неё родится здоровый малыш, но это вызывало у неё только новые истерики.

У меня началась бессонница, и чтобы спать ночью, я решила днём находить себе занятия. Я пошла по палатам, где меня встречали приветливо и радостно: в госпитале детей больше не было. Раненые подзывали меня к себе, спрашивали, почему я здесь, рассказывали о себе и своих детях. Кто-нибудь просил воды, кому-то я поправляла одеяло, бинты и подушку, если она была. Целый день я ходила из палаты в палату, общаясь с ранеными. Зато ночами я теперь крепко спала.

Однажды меня позвал молодой солдат.

— Ты любишь петь? Давай тихонько споём «Катюшу»? — попросил он.

Мы полушёпотом запели. Рядом присоединился приятный тенор.

— Пойте погромче! — кто-то попросил нас с дальней кровати. Так началась моя актёрская карьера. Утром я входила в одну из палат:

— Доброе утро, товарищи выздоравливающие! Начинаем концерт!

Я пела всё: от детских песен до отрывков из опер. Где не знала слова — сочиняла. Читала стихи, рассказывала сказки. До войны по радио я часто слушала передачу «Театр у микрофона». Я обожала пьесы Александра Островского и знала их почти наизусть. Пересказывая содержание пьес, я старалась исполнять все роли в лицах, что часто вызывало смех зрителей и бурные аплодисменты. Иногда слушатели вставляли свои реплики, обсуждали поступки героев, давали им советы, рассказывали эпизоды из своей жизни, хотя герои пьес жили в девятнадцатом веке, а мы — в двадцатом. Особой симпатией у моих слушателей пользовался Бальзаминов из пьесы «Праздничный сон до обеда».

В одну из ночей я проснулась от громких голосов, беготни.

— Ой, мамочка! — вопила Аня нечеловеческим голосом.

— Тужься! Дыши глубже! — приказывала ей какая-то женщина повелительным тоном. И вдруг я услышала детский крик. Рядом тихо вздохнула Валя:

— Счастливая!

Когда мама поправилась, нас выписали из госпиталя и отправили в никуда. Но это нас не пугало: мы находились на родной земле. Мама решила добратсья до брата моего папы, проживавшего на станции Мста, на берегу одноимённой реки. Денег у нас не было. В госпитале

нам выдали на три дня продуктов. Где пешком, где на попутных телегах, где в вагоне товарного поезда мы добрались до станции Бологое. Папин брат, дядя Толя, работал на железной дороге и поэтому не был призван на фронт. В депо мы его и нашли. Тридцать километров до станции Мста мы доехали по-барски на паровозе. Сойдя с него, мы явились прямо в дом дяди Толи, переполошив всё семейство своим видом. Выглядели мы чернее негров. Даже кот, заикаясь, проорал некошачьим голосом «мя-мя-у-у» и выпрыгнул в окно, вернулся домой только через несколько дней. В большом доме дяди Толи было просторно, тепло, уютно и сытно. Мы охотно ухаживали за курами, поросятами, овцами, коровой. Я пасла толстых, крикливых гусей. Родственники проявляли к нам заботу и внимание. Часто шутили, вспоминая, в каком виде они встретили нас.

Круглосуточно на Урал и обратно шли товарные поезда. Иногда они подолгу стояли на станции, составы строго охранялись. В раздвинутые двери товарных вагонов мы видели пленных немцев и наших солдат. Близко подходить к ним было строжайше запрещено.

Но однажды из вагона выскочил солдат, поднял меня на руки и закружил.

— Папочка мой! Живой! — Я не могла поверить своему счастью. Папа сдержал своё слово!

К нам подбежали вооружённые конвоиры. Сбросили меня на землю, а папу поволокли в поезд. Послышались робкие голоса:

— Что вы, как звери, не даёте отцу с дочкой поздороваться!

Папа сидел на земле, обхватив голову руками. Его плечи вздрагивали. Он с горечью и обидой думал о том,

за что его судил военный трибунал. Ведь когда началась война, он сам, ещё не получив повестку из военкомата, явился на призывной пункт и был направлен на фронт. Его полк был окружён и взят в плен. Но ему удалось сбежать из плена, и он продолжил сражаться за родину в партизанском отряде. За что его судил военный трибунал?!

Попавших в плен суд приговаривал к расстрелу, как изменников Родины. Моего папу не расстреляли: учли активное участие в партизанском движении. Штрафной батальон его тоже миновал. Но доверия к нему — не было. Его не отправили в фильтрационный лагерь. С огромным трудом отстояли его боевые товарищи перед судом. И теперь мой папа ехал под конвоем в товарном поезде вместе с пленными немцами, чтобы работать в глубоком тылу. За что?!

К папе подошёл офицер, дал какую-то команду. Папа бросился ко мне, раскрыв объятия. Я целовала его небритое и мокрое от слёз лицо. Нам подарили пять минут счастья. Спасибо!

Когда наступил 1944 год, мама решила возвращаться в Ленинград. Мы поехали в Главный штаб партизанских отрядов, где нам выписали пропуска, разрешающие въезд в город. Хотя блокада ещё не была окончательно снята, мы приехали домой. Но оказалось, что жилья у нас нет. В домовоей книге мы числились в списках умерших, а в нашей бывшей квартире жили другие люди.

Начались судебные тяжбы. Пока суд воскрешал нас из мёртвых и принимал решение о возвращении нам квартиры, меня определили в 25-й детский дом, а маму приютили соседи. Когда мы наконец впервые вошли в нашу квартиру, две комнаты и кухня были пусты. Только

большой серый мишка валялся на полу. Даже старинный паркет сожгли. Проведя ночь на голом полу, мы были счастливы.

В июле 1945 года к нам из Свердловска вернулся папа. Осенью из Латвии вернулись бабушка, тетя и её дочка Нина, где они на одном из хуторов батрачили, выполняя самую чёрную работу. Бабушка жила у нас до смерти. Она просила похоронить её в деревне рядом с мужем, что мы и исполнили. Отец Нины вернулся инвалидом. Он закончил университет и успешно преподавал математику в школе. Жизнь продолжалась.

Однажды из города Великие Луки к нам приехал Миша Анипкин. Он на фронте получил тяжёлое ранение и полностью ослеп. На вопрос «как ты живёшь?» он рассказал:

— Нашёл старую гармошку и теперь каждое утро хожу на рынок, играю и пою. А нашу песню «Жили у бабуси два весёлых гуся» я непременно исполняю. Только я её переделал немного: гусей теперь стало не два, а три. Один с подбитым крылом, летать не может.

Это он про себя. Наша песня напоминала ему тот день, двух друзей, трёх женщин и двух испуганных девочек.

О Захаре и Шурко нам ничего не удалось узнать. А вот о гостях номер два кое-что всё-таки стало известно. Уже после войны мама в Ленинграде встретила Надю, и та рассказала, что после угощения в нашем доме они с фрицем очень болели, его даже поместили в госпиталь и куда-то увезли. А она сама еле выжила, так как у неё и фрица было такое сильное расстройство желудка и кишечника, что они перепачкались сами, досталось са-

ням и даже денщику. Дело в том, что мама гнала два вида самогона: «столовое вино» имело все свойства самой обычной водки, зато «коньяк» действовал на организм человека как сильнейшее слабительное средство. Мама так и не рассказала Наде о своём «коньяке», скромно умолчав о секрете своего боевого оружия.

ПРОБА ПЕРА

Дмитрий Черепанов

*Ученик Специальной школы № 106
города Новокузнецка*

ДНЕВНИК КОТОФЕИС

**(В ПЕРЕВОДЕ С КОШАЧЬЕГО — ДНЕВНИК КОТА
МУРЗИКА)**

31 декабря

Однажды приехал я на Новый год в Анжерку. Решили мы втроём сесть под ёлкой и выпить молока. Вот сколько нас было: я, Кешка, мой друг, и Рыжий. Выпили мы молоко и решили залезть на самую верхушку ёлки. Первым полез Кешка. Он тяжёлый был и сразу грохнулся. Вторым полез я. Увидев, что я полез на ёлку, хозяйка закричала:

— Куда полез, котяра серый?

Несмотря на её крик, я полез дальше. Лез, лез да и свалился прямо Кешке на голову. Кешка обиделся и не разговаривал со мною целых пять минут. А третьим на ёлку полез Рыжий. В результате он-то ёлку и уронил. На него сильно ругались:

— Тебе лучше бы мышей ловить, а не на ёлку лазить!

Рыжего шлёпнули тряпкой и отправили на чердак. А под ёлкой все помыли, пропылесосили и поставили её на место. Я этот момент, честно говоря, плохо помню.

Следующий день я весь проспал, потому что на ночь я напился молока. А взял пример с Кешки и Рыжего. Я больше никогда не буду пить на ночь молоко и лазать на ёлку.

1 января

Вечером хозяева привезли маленького котёнка, чтобы завтра отвезти его к родственникам. Когда хозяйка его привезла, то отдала его Мелкой, а та начала с ним играть, да так, что хозяйка сделала замечание: «Катя, это тебе не кукла!»

А Дима сказал: «Что-то он какой-то молчаливый».

Котёнка на ночь хотели оставить на кухне и загородили проход стульями. Но это оказалось бесполезно, он пролазил через них.

Мне котейка сразу не понравился. Я шипел на него, как на Кешу. Когда его увезли, я очень обрадовался. Новые хозяева назвали котика Марселем. Я это услышал благодаря своему суперслуху. Про это я вам расскажу. У меня есть такая способность, вы не поверите, это — суперслух. С его помощью я могу слышать всё, что происходит очень далеко: как хозяйка Кеши ругает своего кота, как Рыжему попадает от своих хозяев. Всё могу услышать. И как птички чирикают свои песенки на берёзке за окном. И как соседские коты орут в подвале.

20 января

За любые пакости меня хозяева ругают, например, если я точу когти о мебель, или лезу на стол за колбаской, или лежу на хозяйской подушке. А вот Дима меня иногда подкармливает чем-нибудь вкусненьким.

Мелкая меня часто таскает на руках, гоняется за мной, дёргает за хвост. А я ей за это мщу: охочусь на неё, кусаю, царапаю, цепляю за ноги. Катя тогда на меня жалуется. Дети часто спорят, кого из них я больше люблю. Почему за Катей я гоняюсь, а к Диме иду гладиться. Люблю я, конечно, обоих. Просто Дима спокойный и меня не трогает. А вот от Кати мне достаётся: то в кукольную коляску посадит и катает, да ещё и чепчик наденет. То учит меня разговаривать по-человечески. Вот и приходится от неё постоянно убегать.

4 февраля

А вы знаете, что сегодня мой день рождения?! Дима даже хотел купить мне торт. Но хозяйка запретила: котам сладкое нельзя. И меня накормили «Вискасом». Почему-то люди думают, что нас не надо поздравлять. Чушь! А вот если бы забыли про ваш праздник, вам бы не было обидно?!

Вдруг в окно постучал серый воробей. Он передал мне поздравления от котов, которые часто орут в подвале. Мне было очень приятно. Праздник удался!

7 февраля

Однажды хозяину приснился сон про большую крысу. А утром за завтраком он об этом рассказывал своей жене. Дима не расслышал, что это был сон. И когда я подошёл к нему, чтобы потереться об ноги, он как закричит. Представляете, спутал меня с крысой! Вот чудак! Хозяйке пришлось ему объяснять, что папе приснился всего лишь сон и в нашей квартире ни мышей, ни крыс нет. Да, я не охотник. Зато я — охранник! Когда никого нет дома, то сижу на пуфике в коридоре и охраняю наше

жилище. Должен же я отрабатывать свою еду и принести пользу. Хотя я и так красавчик!

8 февраля

Хозяева уехали на два дня. Мне и черепахе Бусе оставили побольше еды и наказали не пакостить. Ура! Свобода! Я могу спать, где хочу. Могу спокойно сидеть на столе у окна и общаться со знакомыми воробьями. А ещё могу спокойно чесать когти об диван и мне никто ничего не скажет! Красота!

Вечером Буська уползла за кровать и осталась там спать. Тишина. Темнота. Да ещё и на улице завывает ветер и идёт снег. Птички куда-то попрятались. Поговорить не с кем. Скучно!

Сплю я себе на диване. Никого не трогаю. И тут слышу сквозь сон: «Мурзик, опять весь диван шерстью уделал!» Линяю я, ну и что теперь. Ура! Вернулись мои домочадцы! Дали мне свежей еды, помыли мой лоток, погладили и за ушками почесали. Люблю их всё-таки!

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Наталья Улитина

ПОСЛЕ

Корчилась любовь, умирая,
И вопросом вдруг задалась я:
Разве что-то есть выше рая?
Разве что-то есть после счастья?
Если счастье истинным было,
Были теми самыми кущи —
Разве можно с новой силой?
Разве кто-то может быть лучше?
Что же в том бытийном пространстве —
Пустота иль переизбыток?
Там душа мертва и бесстрашна,
Или чувства режут, до пыток?
И ответ был тих, как отрада,
На мои мудрёные бредни:
Каждый раз, как в первый, — не надо.
Надо каждый раз — как в последний!

ВЗДОХ

Гаснут осколки морозного дня,
И на часах шесть.
Опыта ценного нет у меня,
А у тебя — есть.

Опыт обид, расставаний, разлук
И череды встреч,
Но не знаком моего сердца стук
И не слышна речь.

Жизнь подарила друг другу на миг
И развела нас.
Разве не слышал ты жалобный крик?
Только не в тот раз!

И ни на ком нет за это вины,
Милостив к нам Бог.
Только в пространстве пустой тишины
Где-то затих вздох.

Нам ничего не исправить уже.
Да и к чему? Пусть!
Словно янтарь, затвердела в душе
Мутной слезой грусть.

И пролегло между мной и тобой
Больше чем двадцать лет...
Ты для меня бесконечно родной,
Я для тебя — нет.

ДЫХАНИЕ ЛЕТА

Давно позабытый, случайно услышанный запах
Навеял из форточки нотки рифмованных строчек.
В объятьях его, как в огромных и ласковых лапах,
Свернулся, мурлыча, души моей мягкий комочек.
От яркого солнца томятся горячие крыши,

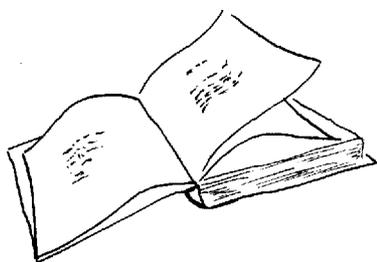
Затихла листва по садам в ожиданье июля,
И ветер, как робкий мальчишка, сквозь кружево дышит,
Как будто впервые касаясь прозрачного тюля.
Раскаты недавнего грома вдали отзвучали,
На город вечерний спускается тихо прохлада,
И сердце, как ангел, поёт от любви и печали,
И кроме тебя ничего в мире сердцу не надо.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

В полумраке дождливых ночей сентября
Мне не спится порой почему-то.
Будто слёзы, сверкая в лучах фонаря,
Вниз по стёклам стекают минуты.
Как томительно-долги, как тяжки они,
Словно время застыло навеки,
Словно капают с крыш не мгновенья, а дни
И текут по асфальту, как реки!
Дождь святою водой всё спешит окропить.
Тихо всхлипнет оконная рама...
Крупных капель удары по лужам — «пить!», «пить!»
И по шиферу — «ма-моч-ка!», «ма-ма!»...
Душен воздух. Мучительно-трудно вздохнуть.
Темнота поднимается снизу,
И тоска, переполнив усталую грудь,
Льётся мутной водой по карнизу.
В гробовой тишине этих длинных ночей
Чутко слышу я: словно в тумане
Со свинцовых небес голосами детей
Плачут души погибших в Беслане.

ГЕОРГИЙ МАСЛОВ

1895 — 1920

Имя русского поэта Георгия Владимировича Маслова даже любителям поэзии сегодня практически не знакомо. Оно осталось и, видимо, ещё надолго останется в тени. Это судьба многих русских поэтов начала XX века, не поддержавших Октябрьскую революцию и выбравших Белое движение.

Георгий Маслов родился в Симбирске, в дворянской семье. После окончания гимназии он поступил на историко-филологическое отделение Петербургского университета. В 1913 году будущий поэт стал слушателем знаменитого Пушкинского семинария профессора С.А. Венгерова, среди участников которого были С.М. Бонди, Ю.Н. Тынянов, Н.В. Измайлов, В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, ставшие впоследствии известными отечественными филологами. Семинарием было начато составление словаря поэтического языка Пушкина. В эту работу активно включился студент Георгий Маслов, и это обстоятельство определило круг его интересов на многие годы. Среди молодых пушкинистов он занимал одно из ведущих мест, очень скоро начал публиковать статьи о творчестве Пушкина, выступал с обстоятельными докладами на собраниях семинария.

В это же время он начал писать стихи, которые появлялись в литературных петербургских журналах. Поэт Всеволод Рождественский в своих мемуарах вспоминал: «Мы слушаем поэта Георгия Маслова... Он стоит у сте-

ны, несколько сутулый, с насмешливым заострённым лицом, прямые, закинутые назад волосы придают ему подлинно поэтический вид». Но Маслов был подлинным поэтом не только по облику. Зинаида Гиппиус, знаток и ценитель русской поэзии серебряного века, включила его стихотворения в составленную ею антологию «88 стихотворений» вместе с Блоком, Брюсовым и Ахматовой.

О стихах Георгия Маслова, опубликованных в сборнике «Арион», одобрительно отзывался Николай Гумилёв. Поэтическое направление, к которому принадлежал Маслов, он определял как «позабытое со времён Пушкина благородное искусство просто и правильно писать стихи». Юный поэт боготворил Баратынского и Пушкина.

Юрий Тынянов писал в статье о Георгии Маслове: «Я помню Маслова по Пушкинскому семинарию Петербургского университета. Здесь он сразу и безмерно полюбил Пушкина и хотя занимался по преимуществу изучением пушкинского стиха, но, казалось, и жил только Пушкиным, и недалёк был от чувственного обмана: увидеть на площади или у набережной его самого. Дельвиг и Баратынский тоже стали для него ощутимы до физического чувства их стихов. Маслов жил почти реально в Петербурге 1820-х годов. Он был провинциалом, но вне Петербурга он немислим, он настоящий петербургский поэт. Его возврат к стилю Пушкина, Баратынского, Дельвига заметною струёю проявился тогда в литературе. Он был плодотворен; стилизация была повторением или отблеском старого на новом фоне — пушкинский стих на фоне символистов приобретал новые, неведомые раньше, тона. Словесная ясность пушкинского стиха-плана, стиха-программы на фоне насыщенного, обременённого нового стиха получала значение сложной простоты».

В 1916 году Георгий Маслов женился на поэтессе Елене Тагери, вместе с ней в марте 1917 года уехал в Симбирск для организации выборов в Учредительное собрание. Из-за этого он не окончил университет, хотя его хотели оставить при кафедре русской литературы.

Октябрьскую революцию Георгий Маслов не принял. В 1918 он участвовал в организации добровольческих отрядов в Симбирске, осенью вместе с отходящими частями Чехословацкого корпуса добрался до Омска и там поступил рядовым в армию Колчака. К концу 1918 года Омск стал культурной столицей белой России. Туда переместилось Временное правительство России, а за ним хлынул поток разных министерств и ведомств. Журналисты, музыканты, актёры и прочая доселе невиданная публика заполнила город. Это время было периодом наивысшего расцвета таланта Георгия Маслова. Его стихи появляются в газетах и журналах, он издаёт пьесу «Дон Жуан», работает над поэмой «Аврора».

Поэт Леонид Мартынов, живший тогда в Омске и хорошо знавший Георгия Маслова, оставил о нём воспоминания. В своей книге «Воздушные фрегаты» он пишет, что Георгий Маслов был «самым просвещённым, мыслящим, интеллигентным из подвизавшихся в белом стане поэтов».

В декабре 1919 года войска Колчака оставили Омск. Во время долгого отступления на восток, в вагоне поезда, Георгий Маслов написал цикл трагических стихов «Путь во мраке». Тогда же он заболел сыпным тифом и был снят с поезда в Красноярске. 14 марта 1920 года поэт Георгий Маслов умер в Красноярской городской больнице, в возрасте двадцати шести лет.

Последнее свидетельство о Георгии Маслове оставил Всеволод Иванов, который встретился с поэтом незадолго до его смерти. «На каком-то полустанке, недалеко от станции Ояш, я нёс мешок добытого с трудом угля, чтобы согреть наш вагон. Окликнули из теплушки беженцев. Перепуганные, впавшие большие глаза глядели на меня неподвижно. Я узнал поэта Георгия Маслова. Без жалоб и уныния, а сказав только, что “кажется, у меня начинается тиф”, он пригласил в теплушку и стал читать главы своего романа “Ангел без лица”. Оставив Маслову мешок с углём, я выскочил из теплушки, а через месяц узнал, что тиф скосил Маслова, а рукопись романа пропала».

В посмертной рецензии на его стихи в журнале «Сибирские огни» было сказано: «Георгий Маслов стоял спиной к будущему, к революции. Его взгляд был прикован к Пушкинской эпохе, в которой он жил наперекор действительности». Прошло время, канула в Лету большевистская идеология, и творческое наследие русского поэта Георгия Маслова заново открывается читателю. Юрий Тынянов был прав, когда писал в статье о поэте: «У стихов есть то преимущество перед людьми, что они оживают — и не однажды».

ЯМБУ

О мой ямб, звонконогий мой конь,
Непокорный рабам Буцефал,
Я смогу укротить твой огонь —
Я свободным и дерзостным стал!

Вдохновенно Пушкина нёс
Ты по темени девственных скал
И, в венках из вакхических роз,
Под Языковым буйным дрожал,

Но, не согнутый вихрями лет,
Так же ты непреклонен и горд, —
Был не раз беззаботный поэт
Под твоими ногами простёрт...

Но прими от меня дифирамб,
Кто б из нас побеждённым не стал,
О мой конь, звонконогий мой ямб,
Непокорный рабам Буцефал!

* * *

Уже закат румянится.
Понежусь у окошка.
По тротуару пьяницы
Шатаются с гармошкой.
Весёлости и удали
Как много в песне этой!
С ней рядом не причуда ли
Терцины и сонеты?
Нет, нынче мы в подвальчике
Вином наполним кружки
И заорём, как мальчики,
Весёлые частушки.

* * *

Мы жили в творческом тумане,
Губители чужих наследий,

Стихи чеканя
Из меди.
Но, все ограды руша,
Мир входит к нам в двери.
Больные выльем души
В каком размере?

На лиру мы воловью
Натянем жилу,
Чтоб звукам, вырванным из сердца с кровью,
Хрипящую оставить силу.
Они без форм. В них есть уродство
Невыношенного создання.
Но их осветит благородство
Страдания.

* * *

Не предвидит сердце глупое
Дня свиданья, дня разлуки.
Разве гладил бы так скупой я
Эти маленькие руки?

Верю, всё ж тебе припомнятся
Вечера шального мая,
Лишь глаза опустишь, скромница,
Наши встречи вспоминая,

Как, твои колени трогая,
Я пьянел, весной волнуем,
Ты же улыбалась, строгая,
Самым дерзким поцелуям.

НА ЧАСАХ

Ночь проходит тревожно.
Немного устал стоять.
Но сегодня, очень возможно,
Придётся стрелять.

Завалились спать по берлогам.
На город нависла мгла.
Лишь бродит по звёздным дорогам
Прожектора метла.

Весело лают собаки
На девушку в окне,
И пьяный поёт во мраке
О весёлой весне.

Того не пугают пули,
Кто изведаль мёд земной;
Хорошо, что хоть в карауле
Ты дышишь милой весной.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Разыщут ли Вас эти строки
В краю изгнанья и разлук,
В Чите или Владивостоке,
Мой грустный, мой прекрасный друг?
Пронёсся вихрь, мечтанья руша,
Расстаться было суждено,
И не сольются наши души
В неизъяснимое одно.
Но и вдали Ваш голос слышу

В печальный сумеречный час,
Из кованых четверостиший,
Рождённых блеском Ваших глаз.
Души певучего простора
Храню для Вас полярный лёд.
Не Ваш ли взгляд меня, Аврора,
В беззвезды ледяном ведёт?

* * *

Нет. Жизни раннего конца
Я всё-таки желать не смею.
Вы улыбнулись мне с крыльца,
И ветер обвеваает шею.

Скрипит подгнивший тротуар,
Залаял пёс на перекрёстке,
А розы в запертом киоске
Глядят на проходящих пар.

Смотрю на звёзды и бреду
Домой, мечтая о постели.
Но сладкая усталость в теле,
И кажется, я не дойду...

Теряя дням бесплодным счёт,
Над песнями узду теряя,
Засну на лавке у ворот,
Улыбку вашу вспоминая...

РОДИНЕ

Застыли слёзы в синем взоре
Твоём, измученная мать.

Какие горести и хвори
Ещё начнут тебя терзать?

От края до другого края —
Сухая полевая жердь —
Идёт в плаще неурожая
Твоя ослабленная смерть;

Спокойно подымая посох,
Работает и ночь и день
Среди убогих, жалких, босых
Забывших Богом деревень.

А на кровавом горизонте
Седые облака плывут
Рыдать за тех, кто там, на фронте
Под ядра и штыки идут.

Но ты, молчальница, не стонешь —
Привыкла на своём веку.
В безлюдных церковках хоронишь
Свою щемящую тоску.

И я уверен — мне простится,
Что я, тоскуя и любя,
Не мог ни верить, ни молиться,
А только плакать за тебя.

* * *

Четыре года минули.
Ушли и пришли враги,

И снова мы в карауле,
С винтовкой у ноги.

Тогда чернели Карпаты,
Теперь вдалеке Урал...
Но так же поют солдаты
Песню «Старый капрал».

И девушка у колодца
С высоким журавлём
Тебе лукаво смеётся,
Позванивая ведром.

Пылит по дороге стадо,
Мальчишка трещит бичом,
И сладостная отрада —
Не думать ни о чём.

* * *

Луна в волнах кружилась дымных,
Сочилась сырость в полутьму.
И ветер звал в суровых гимнах
Свою любовницу — зиму.

С трудом иду по вязкой грязи.
Неясны мысли и грустны,
Воспоминания без связи
Плывут, как дым, вокруг луны.

Деревья, зыблемые ветром,
Протяжный выпускают стон.

А сердце воет диким метром*
С осенним ветром в унисон.

* * *

Никак не привыкну к контрастам.
Вчера холода стояли,
А сегодня под настом
Ручьи побежали...

К концу недели, наверно,
Станет тепло и сухо.
В тревоге нервной
Забьётся о стекло муха.

Хорошо расстаться с тулупом,
С шапкой ушастой,
Стать влюблённым, глупым...
О, весна моя, здравствуй!..

* * *

Окончен день, как все, бесплодный,
Но полный скуки и труда,
И блещет первая звезда
В струях реки широководной.

Направо – серебро озёр,
Поля, холмы и перелески,
А солнце в пурпуре и блеске
Скрывается за гранью гор.

*Метр — стихотворный размер

Люблю твой равномерный лёт
Над степью, зноем опалённой,
И в тверди, заревом зажжённой,
Твой ослепительный заход!

Не так ли я теперь влеком
По дням бесцветным и случайным,
Чтоб вспыхнуть заревным огнём,
Как твой закат, необычайным.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Наталья Карпова

МОДНИЦА

Ах, какой комбинезончик на пчёлке!
Ей завидуют не только девчонки,
Ей завидуют известные модницы —
Шоколадницы и даже лимонницы!
Мило, свеженько, не скучно, не броско!
А узорчик-то — к полоске полоска!
Все полосочки нарядного цвета!
Мне б такой комбинезончик на лето!

ОТКРЫТИЕ

Улитка несмело
Попятилась задом,
Когда одуванчик
Заметила рядом,
Прозрачными рожками
Нежно и робко
Коснулась она
Белоснежного хлопка,
Догадке своей
Удивилась сама:
— Вот, значит, где летом
Хранится зима!

* * *

Малина поспела в июльском лесу.
У мишки малиновый сок на носу!
Ежонок смешно растопырил колючки,
К чумазому мишке забрался на ручки.
До мишкиной мордочки он не дорос,
А так захотелось лизнуть его в нос!

* * *

Обычно мой дождик стучится в окно,
Он азбуку Морзе освоил давно.
Сегодня он тоже явился за мной.
Я сразу узнал его стук потайной —
Сначала несмело, потом зачастил:
— Я в лужу лягушек уже запустил!
Набулькал блестящих смешных пузырей!
Ну, где ты? Давай выходи поскорей!

* * *

Кузнечик работает дни напролёт.
Случайно, не знаете, что он куёт?
И кто раздувает меха кузнецу,
В огне серебристую плавит пыльцу?
Кто звякает в кузне его потайной,
Когда на денёк он берёт выходной?
И кто для меня у крылечка
Оставил стальное колечко?

* * *

Износила кукла платья!
Не желаю с ней играть я!

Мне она теперь не дочка!
У неё в чернилах щёчка,
Нос в варенье, лоб в зелёнке!
— Забирай! — кричу сестрѐнке.

И сестрѐнка забрала.
И Марусей назвала.
Налила воды в корытце:
— Надо доченьке помыться!
Я красавицу свою
Тѐплым дождичком полью!
После душа причешу,
Хлеба в супчик покрошу!
Уложу под одеяло!..

Вижу — кукла засияла!
В тѐплой розовой пижаме
Льнѐт к любимой новой маме!
О ладошку трѐтся щѐчкой.
Повезло сестрѐнке с дочкой!

А вот мне живѐтся тяжело —
Что ни кукла — замарашка!

* * *

Божья коровка
Летела куда-то.
Устала,
Присела
На листик
Салата.

Красиво, не жарко,
Вокруг тишина!
К зеркальной росинке
Прильнула она:

— Фон подходящий,
Момент интересный...
Как же мне нужен
Художник известный!..
На неизвестного
Тоже согласна,
Лишь бы заметил он,
Как я прекрасна!

Сергей Георгиев

ЁЖИК-НЕПОСЕДА

ЛЕСНЫЕ ИСТОРИИ

ХОРОШИЕ СНЫ

Всю зиму Ёжик смотрел один длинный-длинный сон: будто лес занесло снегом, завывают метели и над его ёжиковой норой вырос огромный сугроб. А старые сосны в этом сне жалобно скрипели от мороза.

Потом Ёжик повернулся на другой бок, и ему сразу приснилось, как брызнуло яркое солнце и сразу же появилась первая проталина.

Лесная проталина быстро зазеленела, и на ней распустился робкий голубовато-белый подснежник...

Ёжик открыл глаза, осторожно выглянул из своей норы наружу. И сразу же увидел неподалёку крошечную проталинку с подснежником посередине.

— Хорошие сны всегда сбываются! — сказал себе Ёжик.

ЗАПАХ ВЕСНЫ

Ёжик проснулся от сильного запаха раскрывающихся берёзовых почек.

Он выбрался из норки, принялся...

Земля была ещё холодной, но чуткий ежовый нос различил едва уловимый травяной аромат.

А на поляне весело прыгал Заяц.

— Ты чему это радуешься? — спросил Зайца Ёжик.

— Вот уже и первыми ёжиками в лесу запахло! — радостно отвечал Заяц. — Весна пришла!

СОСУЛЬКИН ГОЛОС

Ёжик выбрался из норы. Под лапами захрустели тонкие весенние льдинки.

С нижней ветки старой ивы свисала длинная прозрачная сосулища.

Ёжик легонько тронул сосульку коготком.

— Зи-ма! Зи-ма! — тоненько отозвалась сосулька.

Из-за тучи брызнуло солнце. Налетел ветерок, раскачал иву, и сосулька громко зазвенела:

— Вес-на! Вес-на!

— Ну, то-то же! — обрадовался Ёжик и захрустел по тонким льдинкам своей дорогой.

КОЛОКОЛЬЧИК

На опушке леса распустился голубой цветок колокольчик.
— Посмотри, — остановил Ёжик пробежавшего мимо Зайца.

— Ничего особенного, обыкновенное дело, — сказал Заяц.

— Да ты послушай только, Заяц, как этот колокольчик звенит! — настаивал Ёжик.

— Разве он звенит? — удивился Заяц. — Ничего я не слышу! А как он звенит?

— Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь, — тихонечко произнёс Ёжик. — Дзинь-дзинь!

— Дзинь-дзинь! — покрутив головой, повторил Заяц. — Вот теперь и я слышу. И всем в лесу расскажу.

Заяц вприпрыжку помчался дальше:

— Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

НАЧАЛО ПУТИ

Спозаранку Ёжик отправился путешествовать по свету. Уже через пятнадцать шажков он увидел заросли костяники.

На широком зелёном листе прилепились четыре крупные прозрачные капли росы.

Ёжик подошёл к листику совсем близко и сразу же отразился в каждой из четырёх капель. Стало похоже, будто на резном листе расположилось дружное ежиное семейство.

— Привет вам, маленькие мокрые ёжики! — радостно воскликнул путешественник. — Вот это начало! Сколько же необычного и чудесного у меня впереди!

ЛЕСНАЯ ТРОПИНКА

Пригрело солнышко, Ёжик выбрался на бугор, растянулся возле самой тропинки, глаза закрыл, ушки — наострил!

Лежит, нежится и каждый шорох слышит.

Вот прошуршало что-то вдалеке.

— Это ящерка! — легко определил Ёжик. — Тропинку перебежала возле старого пня. Сама серая с зеленцой, а живот жёлтый.

Затем раздались мягкие неторопливые шаги.

— Медведь! — понял Ёжик. — Ага, к малиннику подошёл. На хвосте у косолапого репейник прицепился, по листьям царапает.

Слух у Ёжика такой острый, он любого зверька по шагам узнает, а птицу — по шуму крыльев.

Как вдруг...

— Да кто же это такой? — удивился Ёжик, прислушиваясь. — Огромный, как гора... Весь серый, а спереди длинный хобот болтается... Неужели слон?! Никогда не водилось слонов в нашем лесу!

Ёжик вскочил, открыл глаза, огляделся. Никого...

«Неужто тропинка наша так далеко вьётся? — подумал Ёжик. — До тех самых мест, где слон бродит?!»

ЗЕЛЁНЫЙ ЁЖ

Знакомая Сорока рассказала Ёжику, что с большой высоты наша земля похожа на огромного свернувшегося клубком ежа.

— Деревья торчат, будто иголки! — трещала Сорока. — Как иголки, как иголки! Только всё зелёное, зелёное...

— Зелёный ёж... — улыбнулся Ёжик. — Зелёные ежи — они самые добрые...

БОЖЬЯ КОРОВКА

Затаив дыхание, Ёжик наблюдал, как оранжевая Божья Коровка карабкается вверх по тонкой былинке.

Былинку раскачивало ветром, но Божья Коровка шаг за шагом по скользкому стеблю пробиралась к цели.

Наконец Божья Коровка ступила на узкий трепещущий лист и храбро приблизилась к его краю.

Ёжик ойкнул, как бы она не свалилась, а Божья Коровка вдруг расправила крылья, легко поднялась в воздух и бесшумно унеслась вдаль.

— Да, — сам себе сказал Ёжик. — Начало пути — это всегда самое трудное.

ЛЕСНОЙ ВЕЛИКАН

Посреди поляны уныло стоял Большой Лось и равнодушно жевал траву.

Ёжик торопился по своим делам... Увидев понурого Лося, он остановился.

— Зачем ты смотришь на меня, Ёжик? — грустно вздохнул Большой Лось.

— Я просто люблю наш родной лес, — отвечал Ёжик. — Я люблю вот этой большой берёзой и колючим кустарником, который её окружает. Посмотри, как прекрасна эта тёплая, прогретая солнцем поляна, как восхитительна её изумрудная трава!

Большой Лось задумчиво повёл рогами.

— Я люблю тебя, лесной великан! — звонко закончил Ёжик.

Услышав это, Большой Лось расправил спину, гордо вскинул голову, огляделся вокруг.

А Ёжик побежал дальше.

— Куда же ты? — затрубил ему вслед красавец Лось. — Позволь же и мне полюбоваться шустрым маленьким Ёжиком с умными чёрными глазёнками!

РАДОСТЬ

Молодой отважный Гусь рассказывал Ёжику, как он научился летать.

— Всё так просто, — объяснил Гусь. — Однажды я запрокинул голову и посмотрел в прозрачное голубое небо. Сердце моё затрепетало от необъяснимой радости, крылья сами собой расправились, душа переполнилась счастьем... И я взлетел!

Ёжик поднял глаза и увидел над собой прозрачное голубое небо.

Сердце Ёжика вдруг затрепетало от необъяснимой радости, душа переполнилась счастьем.

И от этого Ёжик сразу сделался круглым и очень колючим.

БАБОЧКА НА НОСУ

Прямо на нос Ёжику опустилась большая красно-оранжевая Бабочка.

Ёжик замер.

«Как бы не напугать эту прекрасную Бабочку», — решил Ёжик. — Пусть лучше думает, будто я — маленький серый куст, а мой нос — обыкновенный сучок...»

Бабочка отдохнула на тёплом носу у Ёжика, взмахнула крыльями, вспорхнула и улетела.

«Да ведь на сучки и даже на пахучие луговые цветы эта Бабочка садится по многу раз каждый день, — вдруг грустно подумал Ёжик. — Может быть, больше всего на свете ей хотелось отдохнуть как раз на носу у какого-нибудь ёжика...»

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Пролился тёплый дождь. Вскоре, раздвинув шляпками траву, на поляне уютно разместилось целое семейство пузатых боровиков.

— Ух ты! Дождь-то был грибной! — догадался Ёжик. Ёжик огляделся по сторонам.

— И полянка наша вся грибная! — начал перечислять он. — И лес грибной! А солнышко сегодня светит как-то особенно, по-грибному! Погода стоит грибная-грибная-ая... А если сказать одним словом, — подвёл итог хитрый Ёжик, — то всё кругом самое-самое ёжиковое!

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ

На берегу ручья Ёжик увидел Улитку.

— Как поживаете? — приветствовал он незнакомку.

— Путешествую по миру, — отвечала Улитка. — Рассматриваю разные любопытные вещи!

— Как здорово! — обрадовался Ёжик.

— Сегодня вообще необыкновенно удачный день, — сообщила путешественница. — Представьте себе, мне повстречался ёж!

— И у меня тоже необыкновенный день! — ахнул Ёжик. — Я увидал речную улитку!

ДОГАДАЙСЯ!

Вот такая загадка: «Весёлый, колючий, но не Ёжик». Никто в лесу эту загадку отгадать не смог.

Ёжик её сам сочинил и очень обрадовался: здорово получилось!

После долго ходил, размышляя над ответом, но так ничего и не придумал.

ОТКРЫТИЕ

Вечером, вспоминая прожитый день, Ёжик отметил самое важное:

— От болота пахло лягушками!

Открытие показалось Ёжику таким замечательным, он даже ахнул:

— А вот лягушки пахнут болотом!

ЛУЖА

Прошёл тёплый летний дождь, и в низинке посреди поляны скопилась вода.

— Охо-хо, — сокрушался Заяц. — Теперь мне придётся обегать это место далеко стороной. Как бы ненароком лапы не замочить!

— Ничего! — возразил Зайцу Ёжик. — Зато ночью в луже отразятся звёзды, а днём — облака!

ПЕСНЯ

На лес опустилась чёрная непроглядная ночь. Затем в небе из-за облака показалась луна.

Вышел на поляну Волк, задрал морду кверху и завыл, долго и протяжно.

Ёжик слушал, слушал, как Волк воет, а потом и говорит:
— Какая чудесная песня! Заслушаться можно!

Волк вздрогнул, в темноте не сразу разглядел, кто его окликнул. Разглядел наконец Ёжика и растроганно признался:

— Спасибо! А то воешь тут на луну — и самому жутко становится!

ЛЕСНЫЕ НОВОСТИ

Вышел Ёжик к ручью, прислушался к ровному журчанию, попросил:

— Ты расскажи мне, ручеёк, какие у нас, в лесу, новости!

Ручей прозрачный, каждую песчинку на дне видно. Жуки-водомерки бесшумно и быстро по поверхности скользят: туда-сюда, туда-сюда.

Вверху, над Ёжиком, вдруг берёза листьями зашелестела:

— Наш ручей интереснее слушать возле большого камня-а-а-а...

Стремглав бросился Ёжик по бережку к большому камню, вниз по течению ручья.

Прибежал, слушает. А ручей журчит:

— Был на берегу маленький Ёжик... Лесными новостями интересовался... ш-ш-ш... ш-ш-ш...

БЫЛИНКА

Возле старого пня сквозь мох проклюнулся зелёный росток, тоненькая былинка.

— Расти большой, малыш! — сказал стебельку Ёжик.

А когда он на следующий день вновь пробежал мимо старого пня, былинка вымахала уже выше самого Ёжика.

— Так дело пойдёт, ты вырастешь до самого неба! — догадался Ёжик.

Ёжик задрал голову, посмотрел на былинку снизу вверх. И вдруг обнаружил, что небо начинается совсем близко, как раз над макушками самых высоких былинки.

СОЛНЫШКО

Было жарко, и Ёжик решил искупаться. Перебирая лапками, он выплыл на середину медленной лесной речушки.

Внизу, под Ёжиком, переползая камушки, двигалась по дну колючая ёжиковая тень. Мелкие рыбёшки, ничего не боясь, заплывали в тенёчек.

«А ведь рыбам я заслонил собой солнце! — неожиданно сообразил Ёжик. — Что, если пескари станут думать, посмотрев вверх, будто у солнца короткие лапы, острые серые иголки и мягкий животик?!»

Ёжик быстро погрёб к берегу. Выбравшись из воды, он спокойно и неторопливо додумал всё до конца: «Вот теперь, возможно, рыбы решат, что высоко над ними, в небе плавает большой блестящий жёлтый Ёжик...»

СТРЕКОЗА

Ёжик невольно залюбовался прозрачной стрекозой, которая кружилась над поляной. Стрекоза то и дело опускалась то на цветок, то на качающуюся былинку.

Стрекоза была столь легка и грациозна, что Ёжик вдруг и себя почувствовал почти невесомым. Он повторял все порхающие движения стрекозы, без цели кружил между цветов...

Внезапно стрекоза, едва коснувшись широкой травинки, взмыла ввысь и стремительно унеслась прочь.

«Ещё чуть-чуть, и я тоже бы полетел...» — подумал Ёжик.

Он пригнул к себе травинку, с которой только что улетаела стрекоза. Травинка была тёплой от солнца и пахла цветочной пылью.

ПРИМЕТА

На самый большой гриб вскочила Лягушка. Устроилась на широкой красной шляпке и ну кричать что было мочи:

— Это мой гриб! Никому не отдам! Никуда отсюда не уйду!

— Очень даже удобно, — заметил на это Ёжик. — Теперь в нашем лесу никто не заблудится! Отличная примета: большущий гриб с красной шляпой, на котором сидит Лягушка!

Лягушка услышала, обиделась и ускакала прочь.

— Тоже неплохо, — сказал тогда Ёжик. — Прекрасная примета: большой гриб с красной шляпой, на котором, все помнят, раньше сидела Лягушка!

ПЯТНАШКИ

В лесу появилась огромная охотничья собака. Все звери сразу же разбежались и попрятались кто куда. Один только Ёжик свернулся клубком, выставил иголки и вежливо приветствовал грозную Собаку:

— Добрый день, дорогая гостья!

— Просто великолепный денёчек, сказать по правде! — тяжело дыша и высунув язык, отвечала Собака. — Как жаль, что мне даже оглянуться по сторонам некогда!

— Почему же это? — удивился Ёжик.

— Порода моя такая, — горько вздохнула Собака. — Преследовать, догнать, настигать!

— Должно быть, ты неплохо играешь в пятнашки, — очень обрадовался Ёжик.

И вдруг закричал во весь голос:

— Догоню! Догоню! Убегай!

Охотничья Собака рванула с места, будто ветер по кустам прошелестел.

Ёжик задумчиво посмотрел Собаке вслед, язычком прицокнул:

— Ну, не догнал... Бывает!

И отправился дальше по своим делам.

БОЛЬШОЙ СВЕТЛЯЧОК

Ёжик припозднился, он спешил домой.

Наступила ночь. В лесу стало темно, ничего не видно.

— Посвети мне, Светлячок! — попросил Ёжик.

Светлячок зажёл крошечный голубой фонарь.

— Как красиво! — ахнул Ёжик. — Но дороги к норе всё равно не разглядеть! Ладно, дождусь Большого Светлячка!

На небо неторопливо выплыла огромная круглая луна. Сразу же весь лес осветился желтоватым таинственным светом.

— Спасибо тебе, Большой Светлячок! Вот теперь не заблужусь! — крикнул луне Ёжик и побежал дальше.

ПАУТИНКА

Мимо Ёжика по воздуху плавно проплыла серебристая нить паутинки.

Ёжик изловчился, ухватил было паутинку за кончик, но та затрепетала и вырвалась на волю.

Резкий порыв ветра подхватил паутинку и стал поднимать всё выше и выше. Скоро паутинка взлетела над вершинами сосен и растворилась в небе.

Синее небо сразу же сделалось холодным и прозрачным.

— Разве ж поймашь её, осень, — вздохнул Ёжик. — Да и поймашь — так не удержишь...

ЛИСТОПАД

С берёз и осин бесшумно опадали последние разноцветные листья.

— Скоро зима наступит, — вздохнул Ёжик. — Как жаль, что я никогда не видел зимы...

— Бр-р! — отозвался пробежавший мимо Заяц. — Холодно станет! Даже очень!

— Должно быть, красота зимой в лесу необыкновенная! — продолжал Ёжик. — Как в листопад, только вместо листьев кружатся в воздухе огромные пушистые снежинки...

— Мороз трещит! — Заяц остановился, как бы от холода застучал зубами и задрожал.

— Я так ясно представляю себе зиму, — снова печально вздохнул Ёжик. — А снежинки пахнут сочным свежим яблоком, правда?

— Точно ведь! — вдруг восторженно воскликнул Заяц. — Как же я-то забыл! Здорово у нас зимой в лесу! И не так уж холодно!

ШОРОХ

Ёжик выбежал на лесную тропинку и вдруг услышал у себя за спиной странный шорох.

Ёжик остановился, огляделся и прислушался. Всё вокруг тихо и спокойно, рядом не было никого. — Странное дело, — сам себе сказал Ёжик.

И сделал один осторожный шаг. Сразу же за спиной у ежа весело зашуршало.

— Ух ты! — обрадовался Ёжик. — Так это же я сам и шуршу опавшими листьями! Это мой шорох!

Красные и жёлтые осенние листья неслышно кружили в воздухе.

— Эй, шорох! — закричал Ёжик. — Я бегу, догоняй! И во весь дух припустил по тропинке.

КТО ТЫ?

На листе подорожника Ёжик разглядел крошечную, с головы до ног покрытую колючками букашку.

— Привет! — вежливо поздоровался первым Ёжик. — Должно быть, среди муравьев и жуков ты — как бы маленький Ёжик?

— Точно! — согласилась Букашка. И тоже спросила Ёжика: — А ты, должно быть, среди своих — большая колючая козявка, да?

ШУСТРОЕ ЯБЛОКО

С лесной яблони в траву упало первое наливное яблоко, затем ещё одно, и ещё...

«Вот получилось бы забавно, — подумал Ёжик, — если Ёжики все были бы круглыми, гладкими и румяными, а яблоки наоборот — серыми, шустрыми и колючими! Тогда бы в лесу говорили: Смотрите! Смотрите! Сколько это Яблоко насобирало румяных ароматных Ёжиков и тащит их теперь к себе в норку!»

ЭХО

За холмом спряталось от Ёжика знакомое эхо.

— Выходи-и! — крикнул Ёжик. — Это я-а-а, Ёо-ожик!

— Вжик-вжик! — немедленно отвечало эхо.

— Покажись! — ещё громче позвал Ёжик.

— Ни-в-жись!.. Ни-вжи-и-и-и-ись!.. — насмешливо отозвалось эхо.

— Ну, тогда я пошёл, — решил Ёжик. — И больше никогда к тебе не приду!

Подул ветерок, зашелестели листвой, затрепетали ветви осин и берёз.

— Ёжи-и-и-ик! Ёжи-и-и-и-ик! — ветром разнесло этот шелест над всем лесом.

Ёжик прислушался.

— Вжик-вжик! — радостно откликнулся он.

ЗИМНИЙ СОН

Ёжик и Белочка готовились к приходу зимы. Они собирали яблоки, грибы и орехи.

— Посмотри, какой чудесный берёзовый лист! — сказал вдруг Белочке Ёжик.

— Разве листья заготавливают впрок? — удивилась Белочка.

— А вот это как раз то, что будет сниться мне всю зиму, — грустно ответил Ёжик.

СЛЕДЫ

Выпал первый пушистый снег. Совсем неподалёку от своей норы Ёжик обнаружил на снегу большие медвежьи следы.

— Ну вот, кажется, все дела переделаны, — сказал себе Ёжик.

И аккуратно оттиснул рядом с медвежьим отпечаток своей маленькой когтистой лапки.

— Пусть все знают, что мы с Медведем спать пошли, до весны!

ПЕЧКА

Возле старого пня, на поляне, Ёжик обнаружил пепелище от костра. Зола была ещё тёплой.

«Загадочные существа эти люди, — подумал Ёжик. — Но вот теперь сразу многое разъяснилось. Я знаю, отчего в домах у них зимой уютно и тепло».

Умный Ёжик отправился дальше своей дорогой, и опавшая листва зашуршала у него под лапками: печ-ка, печ-ка, печ-ка!

— Какое хорошее слово: печка! — сам себе сказал Ёжик. — Большое и тёплое слово! Я бы назвал так место в человеческом доме, где размещается зимой жаркий костёр!

Потом Ёжик пришёл к себе, забрался в нору и свернулся колючим клубком.

— Печка! Печка! — засыпая, повторял он.

И уже сквозь сон понял, что у себя в норке он, Ёжик, и есть эта самая главная печка.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС*

ГЛАВА 7

«А-А»

— Если опоздаем, — запыхавшись, сообщил Артём, — дежурные в дневник замечание вкатают. Мне в прошлом году Лёха из 8 «В» полдневника исписал.

— Зачем дал?

— А что бы я сделал? Он как-то сам опоздал, когда наш класс дежурил. Я ему замечание — он мне! Сегодня девятиклашки дежурят. На следующей неделе — мы.

— Ненавижу дежурить. Стоишь и всем указываешь, будто сам тихенький. И потом... на уроках — молчать, на переменах — молчать...

— На первом этаже дежурных оставить надо. У малышни. А то они себе голову снесут. Бесятся как сумасшедшие.

Мальчишки в последнюю минуту успели проскочить мимо дежурных и со звонком влетели в класс.

Пока Олег шёл к своей парте, к нему протянулось несколько рук.

— Привет, новенький!

— Привет! Привет!

Он плюхнулся на стул рядом с Ачиной.

— Здрасьте, — прошептала Анжела. — Опаздываете, молодой человек.

*Продолжение. Начало читайте в № 4 за 2019 г.

— У тебя не спросил, — беззлобно огрызнулся Олег. «Какая она всё-таки длинная, наверное, выше моей мамы».

— Конфетку хочешь? — Ачина показала под партой зелёную «Белочку».

— Вот ещё! Сама ешь.

Он любил конфеты, особенно шоколадные с орешками. Наверное, мог бы съесть целый килограмм за раз. Но Ачина его почему-то раздражала. Олег даже искал причину. Не нашёл. И вообще... он с радостью перебрался бы от неё на другую парту.

— Ну, как знаешь, — обиженно фыркнула Анжела, демонстративно опустила «Белочку» в карман и уставилась на доску.

На перемене Артём потащил Олега подальше от класса — обсудить предстоящий поход в «кошачью» пещеру. Но к ним тут же прилипли оба Славы и наперебой, размахивая руками, принялись пересказывать:

— А он: «Всем к стене!» А тот его ногой — р-р-аз! По челюсти.

— Кто? — умудрился вклиниться Олег.

— Ну, этот! — Слава-Вячеслав вытер ладонью вспотевший от воодушевления лоб. — Этот.

— Понятно. Пацаны, о чём вообще речь?

В глазах Славы-Вячеслава появилась некая осмысленность. Он притормозил.

— Вчера боевик в кинотеатре 5D смотрели. Классный!

— И вообще у них драки профессиональные, — со знанием дела сообщил Слава-Ярослав.

— Чушь собачья, — бросил стоявший в стороне Витя.

— Нет, ты иди сюда. Почему чушь? Я сам видел. И он тоже, — Слава-Ярослав ткнул в грудь Славе-Вячеславу.

Витя подошёл.

— Объясняю. Не первый, заметьте, но последний раз. То, что всем показывают в киношке — это результат многократных повторений. Сначала все движения по миллиону раз отрабатывают, а потом снимают. Так что это не драка, а балет какой-то.

— А ты откуда знаешь? — спросил Олег. Ему и самому нравилось, как дерутся в кино. Джеки Чан, Арнольд Шварценеггер...

— Знаю. Тренер рассказывал.

— Ну и что! И никакой не балет, — замахал руками Слава-Вячеслав. — Балет — это «тра-ля-ля»... А они там! Да вы сами сходите.

— Ну вот, и так постоянно, — усмехнулся Витя, — опять разобиделся. Ладно, ребята. Айда после уроков в кино! — предложил Витя. — Я сто лет в киношке не был. Онлайн — не то.

— Кстати, мальчики. — В круг протиснулась Анжела. Она стояла довольно далеко, но Олег был уверен, что Ачина их всё время подслушивала. — Я могу достать билеты. Бесплатно. Если хотите, конечно.

Мальчишки загалдели.

— Чего вяжется? — шепнул Олег. — С утра конфету совала, теперь билеты.

— Ну и пусть достаёт. Бесплатно в кино сходим, — пожал плечами Артём.

— А наше дело?

— Не понял.

— А пещера? — прошипел в самое ухо Олег.

— Не шипи — щекотно, — дёрнулся Артём. — Да... Это я как-то на кино повёлся.

— Может, ты на Ачину повёлся? Видишь, какая добренькая! Только не понятно, с чего бы это.

— Да ладно, не нападай. Девчонка как девчонка. С Синицыной, конечно, не сравнить. Тут я не спорю. А так... Это ты на неё обозлился, потому что тебя с ней за одну парту засунули.

— Ничего подобного. Понимаешь, Ачина меня раздражает, бесит.

— Но почему?

— А не знаю. Чувствую так, и всё.

— Да... это несовместимость.

— Чего?

— Характеров. Знаешь, как космонавтов в экипажи отбирают? Особенно если они на орбитальную станцию на полгода или на год летят. Или экипажи в подводные лодки. Главное, чтобы люди друг друга не раздражали. Иначе они бросят работать и начнут устраивать бои без правил.

— Во-во! У меня с Ачиной полная космическая и подводная несовместимость характеров.

— Да, в общем, и у меня тоже! — неожиданно рассмеялся Артём. — Она и меня бесит. Липучка.

ГЛАВА 8

ПОПЫТКА-ПЫТКА

Перед началом последнего урока Марина Григорьевна объявила, что физрук выздоровел и завтра обязательно будет физкультура, а в субботу — школьный турслёт. Класс обрадованно загалдел. Артём несколько раз победно потряс кулаками. Олег, сидевший рядом

(Жора отпросился с последнего урока к зубному врачу), спросил:

— По какому из двух поводов радость?

— Турслёт!

— Это, конечно, супер, но нашему делу — хана.

Марина Григорьевна подтвердила опасения:

— После уроков все должны прийти на классный час. Будем распределяться по командам.

По старой школьной традиции турслёт собирались провести на Графской даче. После соревнований можно было остаться, испечь картошку, погонять мяч или исследовать развалины.

Класс разделился на группы. Артём оказался специалистом по установке палатки. Олега записали на спортивное ориентирование. Туда же напросилась Ачина, заявив, что в предыдущей школе только её выдающиеся ориентировочные способности и спасали весь класс.

Марина Григорьевна, предупредив, что завтра всем придётся задержаться на тренировку, дала отбой.

Как только друзья остались одни, Артём предложил:

— Пещеру хорошо бы осмотреть сегодня. Потом будет некогда. Ты там был, говори, что с собой брать.

Олег вспомнил своё позорное бегство, замялся.

— Эээ... Там темно... Не очень, но всё же... В общем, нужны фонарики.

— Хорошо, берём два — я и ты. На случай, если один потухнет. Что ещё?

— Не знаю. Понимаешь, я до конца не долез. Подумал, что меня мама уже ищет, и вернулся, — слукавил Олег. — Но после узкого лаза видел расширение. Там даже ходить можно. Ещё один коридор в гору уходит.

— Нужно верёвку взять, чтобы не заблудиться. Вдруг попадём в длинный лабиринт.

— Я возьму. Только не верёвку, а клубок с толстыми нитками, из которых мама вяжет. Его на километр хватит.

— Бери, Ариадна.

— Какая я тебе Ариадна? — насупился Олег.

— Которая Тесея из лабиринта с помощью ниток вывела. Ты что, древнегреческие мифы не помнишь? Конечно, бери нитки. Они длиннее, чем верёвка.

Друзья подошли к дому Артёма.

— Где встретимся? — спросил Олег.

— Сам к тебе приду. Только обед проглочу. Это полчаса. В общем, минут через сорок жди. Успеешь собраться?

— Успею. Мне ещё Василису искать. И кормить. Если она, конечно, не дала дёру.

Ждать Артёма дома было невыносимо. Олег помаялся у окна, оделся, вышел в коридор. Сытая Василиса, даже и не думавшая убежать, шмыгнула следом, но он отодвинул её ногой, пожелал счастливо оставаться и быстро захлопнул дверь.

Друзья встретились у подъезда. Артём в спортивном костюме и кедах молча раскрыл пакет. На дне болтались: фонарик, зеркальце, перочинный нож.

— А нож зачем? — удивился Олег.

— Пригодится. Мало ли, вдруг завал придётся расчищать. Зеркальце — за угол или в труднодоступные места заглядывать.

— Я в фонарике батарейку заменил. Для надёжности.

Они дошли до угла дома и нос к носу столкнулись с Ачиной.

— Ой, мальчики! — пропищала Анжела, расползаясь в широченной улыбке. — Вы тут живёте?

— Живём, — не вдаваясь в подробности, буркнул Олег.

— А ты что здесь делаешь? — подозрительно прищурившись, спросил Артём.

— Просто. Гуляю.

— Ну, вот и гуляй, Ачина, гуляй, — посоветовал Олег и, обняв за плечи Артёма, потянул его в сторону.

— Можно мне с вами? А то мы недавно сюда переехали. Я почти никого не знаю.

— Мы торопимся! — не оборачиваясь, на ходу отрезал Артём.

Когда отошли на достаточное для перешептываний расстояние, Олег проворчал:

— И что теперь? Через пустырь идти — увидит.

— Давай завернём в противоположную сторону, потом через дворы спустимся к дороге, а по ней дойдём до пещеры, — предложил Артём.

Мальчики ускорили шаг. Олег обернулся. Ачина смотрела им вслед. И взгляд у неё был какой-то... злой взгляд!

— Интересно, на что мы ей сдались? Девчонок мало?

— Теперь, как придурки, шпионов изображаем.

Олег засмеялся:

— Ага! Суперсекретные агенты Интерпола: Олег по кличке Лопух и Артём по прозвищу Блондин, оторвавшись от преследования главы местной мафии Анжелики, известной под пикантным псевдонимом «А-А», приступили к выполнению важного задания.

Встреча с Ачиной немного отвлекла Олега от мыслей о пещере. Артёму, не знавшему подробностей, просто хотелось приключений...

Шоссе повернуло в последний раз, открыв одновременно и расщелину, в которой вчера спрятали генератор, и скалу, загораживавшую вход в ту, другую, пещеру. Друзья остановились.

— Олег, может, возьмём с собой генератор?! Вдруг пригодится?

— Нет. Лучше не трогать. К нему вообще лишний раз прикасаться не стоит. Иначе нас обязательно увидят. Представляешь, что тогда может быть?

— Да... Пусть лежит.

Мальчишки осмотрелись и, не заметив никого, стали карабкаться по склону. Теперь Олег с удовольствием вернулся бы назад. Но, во-первых, он никогда не считал себя слабаком, а во-вторых, Артём уже стоял возле скалы.

За прошедшие дни около пещеры ничего не изменилось. Они по очереди заглянули в лаз.

— Узко, — определил Артём.

— Пролезешь. Я пролез, хотя толще тебя. — Олегу вспомнился вчерашний сон. Не желая признавать за собой трусости, он сделал полшага вперёд: — Я первый, ты — за мной.

— Лучше наоборот, — возразил Артём. — Ты же сам сказал, что толще меня. Значит, мне нужно лезть первым. А ты подежурь у входа. Вдруг мы оба туда заберёмся, а кто-нибудь заметит? Если всё нормально, я тебя позову. Идёт?

— Ладно, ползи. — Одна половинка Олега облегчённо вздохнула, вторая напряглась и затрепетала.

Когда он был ещё маленьким и, по выражению родителей, «неуправляемым», папа подшучивал над сыном: «Ты у нас родился под созвездием Близнецов, поэтому нам всё время кажется, что тебя два — Олег-А и Олег-Б.

Твоя мама больше любит Олега-А. Он такой послушный, ласковый, разумный мальчик. А мне нравится Олег-Б — весельчак, болтун и задира».

Тем не менее обоюдные любимые родителями Олег-А и Олег-Б жили дружно и частенько выручали друг друга.

Олег ещё раз выглянул за скалу: не смотрит ли кто. Только теперь он сообразил: если Артём заранее узнает подробности первого посещения пещеры, он насторожится, и тогда задуманная проверка может провалиться.

— Никого. Давай!

Артём просунул голову в лаз. Темно! Оглянулся, включил фонарик и, быстро перебирая ногами, исчез.

Секунда, две... минута...

— Да когда же...

Олег встал на корточки, пригнулся и тут же, взыв от боли, полетел на спину. На него вывалился Артём. Он громко и хрипло дышал. На лбу выступил пот. Глаза бегали, как у хамелеона. Олегу показалось, что его друг ничего не видит. Но скоро взгляд приобрёл осмысленность. Артём перестал хрипеть и вполне нормальным голосом произнёс:

— Олег, там... там... Я не знаю. Там что-то есть.

Несколько раз махнув рукой, он чуть не разбил о камни фонарик. Олег с усилием разжал побелевшие пальцы, отнял, выключил. «Наверное, и я в прошлый раз так же по-идиотски выглядел».

— Пойдём!

Метрах в тридцати друзья легли на траву под кустом барбариса.

Олег потрогал рукой бровь — больно!

— Слушай, а что это с твоим глазом? — К Артёму вернулась его обычная наблюдательность.

— Болит.

— У тебя та-а-кой фонарь! И ссадина.

— А кровь есть?

— Немного, но уже не течёт.

— Это ты мне ногой засветил, когда из пещеры выпал...

Мальчики замолчали. Артём задумчиво крутил в пальцах сухую травинку и был явно растерян.

Олег, которому «посчастливилось» первому сунуться в пещеру, понимал, что должен сейчас почувствовать его друг. «Теперь он начнёт сомневаться в себе, стыдиться и ни за что не признается, почему вернулся».

— Артём, — Олег тронул его за плечо, — послушай, что скажу. Понимаешь, я не мог тебе заранее рассказать, иначе мы ничего не узнали бы. В общем, когда я в прошлый раз за кошкой полез, сначала всё нормально было, только развернуться негде. А потом... Короче, сначала я шорох услышал. Он со всех сторон шёл. Одновременно. Будто не снаружи, а из головы. Потом мне показалось, что это не шорох, а шёпот. И вдруг как загудело! Хотя я не уверен, может, это опять у меня в голове загудело. Я сдрейфил, потерял вход-выход и прополз ещё чуть-чуть вглубь. А там...

Олег увидел расширенные от незабытого страха глаза.

— Ты знал!

— Да подожди, дай договорить. Если мы не расскажем друг другу всё в точности, тогда на пещере можно ставить крест. В общем, не знаю, как у тебя, а я там вообще перестал соображать. Ужас — словно по голове шандарахнули. Когда разобрался, куда ползти, заметил впереди широкую пещеру, из неё — коридор в гору.

— Я думал, свихнусь со страха. Наружу выскочил — словно отключили. Даже решил тебе не говорить. Вдруг

показалось? Только не мог придумать, как объяснить, почему вернулся.

— Вот!

— Чует моё сердце: кошки, пещера — всё это неспроста. Связь имеется. Кстати, ты заметил, что у входа трава вытоптана? Не твоя работа?

— Нет. Я тогда заглянул и сразу внутрь полез. Трава уже мятой была.

— Не кошка же её так! Значит, в пещере кто-то бывает. Вот бы проследить.

— Когда? Полдня в школе. Потом уроки. И темнеет теперь рано.

— Да... Олег, я эту пещеру так не оставлю. Давай ещё попробовать.

— Я не против.

— Может, ребятам рассказать? Например, Витьку. И Жоре можно.

— Знаешь, как говорят: «Если секрет знает один человек — это секрет, а если двое — это тема для приятной беседы». Нас и так уже двое. И потом, если туда мы с тобой не пролезли, думаешь, у Жорика или Вити с его карате лучше выйдет?

— Убедил. Тогда давай ещё раз сегодня попробуем. Только как-нибудь по-другому.

— Задом наперёд, что ли? — усмехнулся Олег.

— Придумаем. Лишь бы получилось!

— А времени сколько? Успеем?

Артём глянул на часы.

— Домой пора.

— Совсем пора?

— Ну... Ещё минут пятнадцать-двадцать в запасе.

Мальчишки переглянулись.

— Кстати, про звуки... Ты тоже сначала шорох слышал?

— Да, словно песок сыпется. Всюду. Но потом мне показалось, что это шёпот.

— Я вот о чём подумал. — Олег глянул в сторону пещеры. — А что, если вначале мы просто задеваем одеждой о стены? Лаз длинный. Звук усиливается, и получается слишком громко. Ты когда-нибудь в водосточную трубу орал?

— Было! Да, похоже. И что ты предлагаешь?

— Нужно заткнуть уши, тогда мы ничего не услышим.

— О! Идея! — воскликнул Артём. — Если это из-за звука... Мне папа рассказывал о Бермудском треугольнике. Что там корабли и самолёты пропадают.

— Я в курсе.

— Нет, ты слушай! Вдруг у нас разная информация?! В общем, плывёт корабль. С ним установлена связь. Потом без всяких SOS она прерывается. Корабль начинают искать и находят целенький, двигатели работают, обед тёплый и — никого. Ни одного человечка, ни живого, ни мёртвого. Или какой-нибудь сумасшедший останется, который сказать ничего не может. Учёные начали изучать и выдвинули гипотезу, что такое может получиться из-за инфразвука.

— Из-за чего?

— Ин-фра-зву-ка. Это тоже звук, только очень низкий. Ушами не слышно. О нём давно знали, но не догадывались, что на людей действует.

— А как узнали? — шёпотом спросил Олег. Друзья успели подойти к пещере, шуметь рядом с лазом не хотелось.

— Вот случай: в каком-то городе контора, рядом — завод. Её окна выходят прямо на заводскую стену. А в

стене вделан огромный вентилятор. Когда вентилятор работает, у всех в конторе ноют зубы и болят головы. Стали разбираться и обнаружили, что вентилятор издаёт инфразвук.

— Ясно. Но в чём связь: треугольник, пещера, инфразвук...

— При одной его частоте начинает болеть голова, при другой люди сходят с ума, даже умереть могут. Или испытывают невыносимый ужас. Поймал мысль?

— Ты хочешь сказать, что наша пещера похожа на трубу. Мы ползём, звук усиливается, пещера гудит. Не просто, а инфразвуком. От него и страх. Так?

— Да!

— Слушай... — Олег запнулся. — Ты говоришь, что есть инфразвук, который может... убить?.. А что, если и здесь?..

Артём сорвал травинку, повертел, погрыз, затем решительно отбросил и поглядел на друга.

— Знаешь... Может, оставим всё это? Провозимся зря, а там — обычная пещера. Без всякой тайны.

«Вообще-то Артём прав. Но как же быть тогда с белыми кошками и генератором?» Олег-А мыслил разумно и осторожно. Но если его послушаться, бросить, уйти, забыть, Олег-Б никогда себе этого не простит и не успокоится.

— Артём, мы с тобой почти до самой пещеры долезли. Значит, никакого смертельного инфразвука там нет. Сделаем так. Заткнём уши и хотя бы немного проползём. Если зашуршит, тогда сразу же возвращаемся. Значит, инфразвук — не причина. А дома придумаем ещё что-нибудь. Идёт?

— Вполне.

— Тогда моя очередь. — Олег решительно опустился на колени, зажал руками уши и попробовал передвигаться, опираясь на одни локти. — Нормально. Только не очень удобно. Ладно, бывай!

Теперь внешние звуки он различал плохо, зато прекрасно слышал своё частое дыхание и стук зубов. Как ни сдерживался, зубы всё равно стучали. Олег зажмурился. Нет. С закрытыми глазами хуже. Открыл глаза, продвинулся вперёд. Ничего... Ура! Ещё чуть-чуть...

Как и в прошлый раз, шёпот возник мгновенно, резанул. Превозмогая дикое, необъяснимое желание бежать куда угодно, лишь бы подальше от этого места, Олег медленно разжал руки. Ничего не изменилось. «Это не звук. Звук я слышал бы ушами. Тут другое!»

Главное было выяснено. С трудом сдерживаясь, чтобы не рвануть во все тяжкие, Олег попятился.

— Ну что? — Артём походил на натянутую струну.

— Это не звук, — всё ещё постукивая зубами, проговорил Олег. — Пошли домой. Надо думать...

Ах, какую идиллическую картину наблюдали родители, вернувшись с работы: кошечка на кресле, мальчик склонился над учебниками. Но уже через пять минут Василий Николаевич обнаружил прозаическую причину столь примерного поведения.

— И что это у нас такое? Клеймо героя? Покажи-ка, покажи!

Олег опустил руку, которой безуспешно прикрывал синяк.

— Ого! Ре-е-дкостная штука. Оля, посмотри, как твоего сыночка изукрасили!

Взволнованная Ольга Петровна сразу же вбежала в комнату.

— Сынок, откуда такой синяк? Ты что, подрался?

— Нет, чего мне драться? Просто мы с Артёмом играли, и он случайно врезал по глазу.

Василиса фыркнула. Если бы она не была кошкой, Олег с полной уверенностью мог бы утверждать, что это нарочно.

Перед сном он подсел к папе.

— Па, давай о чем-нибудь поболтаем.

— Давай.

Пофилософствовать с сыном на разные «горячие» темы было обычным делом. Особенно летом, во время каникул. Когда к разговорам привлекалась мама, споры не утихали и до полуночи.

— Мне сегодня Артём про Бермудский треугольник рассказывал.

— Так он тебе этим треугольником фонарь засветил?

— Ага. Вообще-то мы об инфразвуке говорили.

— Есть такая гипотеза. В том районе благодаря особому рельефу в спектре звуковых волн присутствуют инфразвуковые частоты. Это небезопасно. Я понятно говорю?

— Угу. Спектр — это...

— Набор всевозможных частот. Люди впадают в панику и прыгают за борт.

— А если уши заткнуть?

— Не поможет. Мы же звук воспринимаем не только через слуховые проходы. Вот закрой уши и скажи что-нибудь. Что слышишь?

— Голос вроде бы не совсем мой, но я его изнутри чую.

— Барабанные перепонки восприняли вибрацию тела, а не воздуха, с помощью которого распространяется звук.

— Пап, а если в Бермудском треугольнике не инфразвук, а инопланетяне? Наводят страх, люди прыгают за борт.

— Как наводят? Телепатически?

— Да, мысленно внушают.

— Теоретически возможно. Но зачем?

— Например, чтобы свою базу с тарелками спрятать.

— С тарелками — это не база, а кухня.

— Ну, пап, я же серьёзно!

— Ладно, ладно. Почитай, Олег, фантастику. Вон, на второй полке сверху, в самом углу толстая, с серым корешком. Александр Беляев. Помнишь, мы фильм смотрели — «Человек-амфибия»? В этой книге есть повесть «Властелин мира».

— Про что?

— Про то, как один тщеславный человек захотел подчинить себе весь мир. Он создал прибор и с помощью него внушал людям собственные мысли. Но цели так и не достиг.

— Почему?

— Я толком не помню: давно читал, ещё в школе. Нашёлся изобретатель, который додумался, как от этих мыслей экранироваться. На головы надели металлические сетки, радиоволны через них не проходят. Всё! Властелин оказался беспомощным. Но учти, это фантастика. И вообще, не пора ли тебе спать?

— Пора, — не стал возражать Олег. Теперь ему не терпелось остаться одному и хорошенько поразмыслить. Папа случайно подсказал совершенно новую идею —

про металлические сетки. Но лишь только голова коснулась подушки, он уснул.

Снился ему всё тот же сон, причём Олег сознавал, что это сон. Поэтому, когда чёрное пятно точно так же потянулось за его пальцами, он не испугался и не проснулся.

Продолжение читайте в следующем номере